

ЭКСПАНСИЯ.

Роман
ЗЛОТНИКОВ

ВЕЧНЫЙ
[И ПРИШЕЛ МНОГОЛИКИЙ...]

Annotation

«Есть три узды, овладев которыми, можно повести человечество к свету либо к тьме. Первая из них – сила, вторая – деньги, третья – слово Господне», – сказал философ космической эры. К силе благородных донов под предводительством Черного Ярла добавились ресурсы финансовых корпораций мистера Корна, и настал черед третьей ипостаси Вечного: у аббата Ноэля есть план решительного удара, который должен положить конец галактической экспансии «могущественных». Ради осуществления этого плана необходимо заручиться поддержкой султаната Регул и Российской империи. Русским однажды уже удалось приостановить продвижение Алых князей «могущественных» у окраинной планеты Светлая. Теперь на кону – судьба человечества и Детей гнева. Впереди – свет или тьма...

Роман Злотников

И пришел многоликий...

– Все это полное дерьмо, аббат. – Плотный, высокий человек в черной сутане с длинными разрезами по бокам, сквозь которые были видны ноги, обутые в высокие и тяжелые армейские компенсаторные ботинки, с лязгом вогнал два патрона в патронники допотопного порохового ружья и со щелчком выпрямил переломленные стволы. – ДАЙ!

Слуга-монах торопливо дернул веревку. У странного механизма, стоящего у обреза полосы кустов, обрамлявших стрелковый сектор, с жутким лязгом разогнулся рычаг, и в воздух, быстро вращаясь, взлетели два небольших желтых диска, похожих на тарелочки. Мужчина молниеносно вскинул ружье и, дождавшись, когда диски на мгновение зависли в высшей точке траектории, двумя быстрыми выстрелами превратил их в тающие облачка желтой пыли. Удовлетворенно кивнув, он переломил ружье и, извлекая гильзы из патронников, продолжил прерванную мысль:

– Так вот, я считаю, что все это дерьмо, аббат. Никто не отрицает пользы от исповеди и мессы, но Краснозадого невозможно остановить исповедью и мессой. Не говоря уж о том, что он заморозит любого священника, который попытается это сделать. Даже если это будет сам Папа. ДАЙ!

Спустя пару мгновений еще две тарелочки превратились в пыль, а мужчина снова с лязгом выпрямил переломленные стволы и продолжил:

– А в наше время имеют вес только те, кто может надрать задницу Краснозадым. Так что, при всем к вам уважении, я не могу позволить себе рекомендовать Папе задержать финансирование строительства штурмового корабля-монастыря и потратить деньги на всякие бре... хм-хм... сомнительные проекты. ДАЙ!

Его собеседника, казалось, ничуть не обескуражил столь категорический отказ. Что еще можно было ожидать от маршал-кардинала Макгуина. Скорее пристало удивляться самому маршал-кардиналу, что какой-то заштатный аббат посмел явиться к нему со столь дурацкой мыслью. Впрочем, это был довольно странный аббат. Он действовал на кардинала каким-то неожиданным образом. Во всяком случае, Макгуин был даже несколько озадачен тем, что сразу не послал его в самом дальнем направлении и, более того, заменил привычное бранное выражение, которым собирался охарактеризовать его дурацкие идеи, на более нейтральное.

– ДАЙ!

– И все-таки я хотел бы обратить ваше внимание на следующий момент. – Голос аббата был спокоен. Казалось, подобная реакция второго лица в иерархии церкви, ведь маршал-кардинал не только возглавлял военную епархию, но и исполнял обязанности секретаря канцелярии Священной конгрегации, – для него ничего не значила. – Насколько я смог ознакомиться с постулатами военного искусства, одним из важнейших слагаемых победы является знание своего Врага. И даже с этой точки зрения мое предложение заслуживает хотя бы того, чтобы вы с ним ознакомились. Или я не прав?

Макгуин удивленно воззрился на собеседника. Нет, ну каков наглец! Заявить в лоб, что он, маршал-кардинал, даже не читал его предложений... Это тем более раздражало, потому что было истинной правдой. Когда секретарь положил ему на стол папку с распечаткой и скупом сообщил, что поддержка данного прошения повлечет за собой проблемы с финансированием работ по ускоренному завершению строительства «Десницы Господней», маршал-кардинал даже не стал раскрывать папку, а просто отшвырнул ее в сторону и рявкнул

секретарю что-то по поводу заживевших провинциальных аббатов, мающихся дурью от скуки и безделья. Маршал-кардинал окинул взглядом фигуру стоящего рядом с ним человека и усмехнулся про себя. Ну этого-то, пожалуй, заживевшим не назовешь. Если бы не приторная кротость в глазах, он бы мог даже подумать о том, не перевести ли его в свою епархию. Макгуин усмехнулся:

– Вы правы, мой дорогой, но все, что нам надо знать об Алых князьях, мы, благодарение святой Дагмар, уже знаем. И неплохо используем это знание.

Аббат покачал головой:

– Ваше преосвященство, а вам не приходило в голову, что, возможно, мы знаем только то, что *они* позволили нам узнать?

Маршал-кардинал круто развернулся:

– Вы подвергаете сомнению объективность святой Дагмар?

Аббат слегка вскинул руки в отрицающем жесте:

– Ни в коей мере. Но, во-первых, ее кристалл дошел до нас в крайне изуродованном виде. Но даже если бы он дошел в целостности и сохранности, на нем всего лишь малая толика того, что она действительно смогла установить. А что касается остального, то все, чем мы располагаем, – это свидетельства благородных донов, капитанов и других выживших бойцов, которые, смею заметить, не являются специалистами-антропологами. Но, не правда ли, даже для вас, военных, более интересным будет являться не то, почему эти люди выжили, а почему другие погибли?

Маршал-кардинал в молчании разнес в пыль очередную пару тарелочек и снова с лязгом перегнул ружье. Его лоб перерезали две глубокие морщины, а на скулах ясно обозначились желваки. Судя по их величине, челюсти Макгуина были способны перекусить стальной прут. Наконец кардинал резким движением выпрямил стволы, но не стал командовать монаху, а повернулся к аббату.

– Уж не думаете ли вы, что исследовательская группа вашего монастыря сможет осуществить то, над чем уже на протяжении почти пятидесяти лет бьются военные разведки всех государств?

Аббат кротко улыбнулся:

– О нет, ваше преосвященство, я не одержим смертным грехом, именуемым гордыня, но согласитесь, после того как исчезла экспедиция профессора Зуева из Новопетербургского университета, а это произошло почти тридцать пять лет назад, никто больше не рисковал проводить никаких исследований в этом направлении. И не кажется ли вам, что церковь слишком переусердствовала в создании собственного «железного кулака» в ущерб своему истинному предназначению?

Маршал-кардинал бросил на аббата изумленный взгляд, потом ухмыльнулся:

– А вы смельчак, аббат. Заявить такое главе военной епархии... Слушайте, а почему вы обратились именно ко мне? Клянусь святым Богданом, кардинал Эмилио встретил бы вас с вашими идеями с распростертыми объятиями.

Аббат снова улыбнулся:

– Да, вы правы, но все дело в том, что я не хочу ввязываться во внутрицерковную политику, для меня важно, чтобы мои предложения воплотились в жизнь. А это скорее произойдет, если я сумею убедить вас.

– Почему?

Аббат пожал плечами:

– Посудите сами, если бы кардинал Эмилио поддержал мое предложение – вы немедленно и резко выступили бы против. А поскольку мое предложение изначально рассматривалось бы кардиналом всего лишь как средство оказать на вас давление, все кончилось бы тем, что он добился бы от вас уступок в каком-нибудь более принципиальном для него вопросе, а мое прошение, ко всеобщему удовольствию, было бы безвозвратно похоронено.

Макгуин расхохотался:

– Что ж, чертовски похоже на правду. ДАЙ! – Когда еще две тарелочки превратились в пыль, он повернулся, выгреб из коробки пару патронов и произнес одобрительным тоном: – Ладно, расскажите поподробнее, что вы там задумали?

Аббат кивнул:

– Идея проста. Мы хотим посетить поочередно все планеты людей, которые захватил Враг...

– Ну, доны это делают регулярно. Тем более что на большинстве из них по-прежнему живут люди.

– Это так. Но в отличие от донов мы не собираемся заниматься конфискациями или контрабандой. Идея состоит в том, чтобы пройтись по вычисленным нами контрольным точкам и снять информацию о Враге и взаимоотношениях различных каст в сфере его влияния. Ведь, по некоторым оценкам, количество поликультур, входящих в цивилизацию Врага, приближается к тысяче.

– Ну и чем это нам поможет? – раздраженно буркнул Макгуин. – ДАЙ!

Аббат терпеливо пояснил:

– Дело в том, что большая часть наших контрольных точек – это изолированные сообщества людей с высокой степенью статичности: общины баптистов, староверов, народа Эмиш, иудеев-ортодоксов. Они уникальны тем, что сумели сохранить свой быт и традиции на протяжении многих поколений почти в неизменности. Так вот, именно подобные замкнутые сообщества и являются первоочередными объектами воздействия уникальных социотехнологий при включении культур в состав поливидовой цивилизации Алых князей.

Маршал-кардинал сморщил лоб:

– А попонятней?

Аббат смотрел прямо, в глазах его не было и тени насмешки.

– Проследив изменения, которые Враг сумел ввести в быт и традиции подобных анклавов, мы сможем узнать очень многое и о самом Враге, и о том, чем все-таки может закончиться эта война.

– Ну, это я вам и так скажу, – ухмыльнулся маршал-кардинал. – Она закончится тем, что мы поджарим зад последнему Краснозадому. ДАЙ!

– А потом? – спокойно спросил аббат, после того как еще две тарелочки превратились в пыль.

– Что потом? – не понял Макгуин.

– Допустим, вы правы, и мы уничтожим всех Алых князей. Но у нас на руках останется почти тысяча разумных видов и культур, представители которых будут ожидать, что мы займем место поверженных Алых князей... – И аббат замолчал, выжидательно уставившись на кардинала.

– Ну, это не мое дело. И даже не дело моего сына. Эта война протянется еще достаточно долго.

– А мне кажется, что церковь в этом деле должна быть если не первой, то как минимум в первых рядах. – Аббат сделал паузу и, заметив, что маршал-кардинал раздраженно скривился, по-видимому собираясь резко оборвать разговор, добавил вкрадчивым тоном: – Кто знает, что может народиться в растерянных душах подчиненных рас? И не получим ли мы вслед за этой еще одну войну, только намного более страшную? Сегодня цель Алых князей – порабощение человека, а завтра их клеветы могут начать войну на его уничтожение.

Кардинал напряженно посмотрел вдаль, потом мотнул головой:

– Никогда терпеть не мог теологических диспутов. – Он вздохнул. – Хорошо. Если вы приведете мне еще один, но достаточно веский для меня аргумент в пользу целесообразности вашей идеи в военном отношении, я, так и быть, поддержу ваши предложения.

Аббат усмехнулся и, сделав шаг вперед, вдруг протянул руку к ружью:

– Вы позволите?

Маршал-кардинал взглянул на него с любопытством:

– Осторожней, у него достаточно сильная отдача.

Аббат кивнул:

– Благодарю вас, ваше преосвященство, я заметил. – Он ловко перегнул стволы, загнал два патрона и, выпрямив ружье, взял его правой рукой, слегка согнув ее в локте. Кардинал только открыл рот, чтобы дать совет по поводу лучшей прикладки, как аббат негромко выкрикнул:

– ДАЙ!

Слуга-монах дернул рычаг, и тарелочки, вращаясь, взмыли в воздух. Но аббат не стал дожидаться, пока они зависнут в верхней точке, и, даже не вскидывая ружье к плечу, дернул спусковые крючки. Ружье грянуло дулетом, резко отбросив назад руку аббата, но тарелочки, еще не успев разлететься в стороны, исчезли, оставив после себя едва заметную дымку. Когда кардинал удивленно перевел взгляд на аббата, ружье у того уже было снова заряженным.

– ДАЙ!

Еще две тарелочки, едва успев слететь с рычага, превратились в пыль.

– ДАЙ!

– Достаточно! – Маршал-кардинал поднял руку. – Вы меня убедили, это веский аргумент. Вполне возможно, вам удастся ваша авантюра. Я поддержу ваше предложение, аббат.

Аббат склонил голову:

– Благодарю вас, ваше преосвященство. – В глазах аббата снова растекалась приторная кротость. Он сложил руки ладонями вместе и, коротко поклонившись, повернулся в сторону дорожки. – С вашего разрешения, я удалюсь.

Маршал-кардинал кивнул:

– Да пребудет с вами святой Себастиан.

Когда спина аббата скрылась за стеной кустарника, маршал-кардинал приподнял левую руку и щелкнул пальцами. Из-за большого куста пламенного четырехлистника выскользнула невысокая крепкая фигура в сутане.

– Лайонс, – обратился к нему Макгуин, – я хочу узнать об этом аббате все. – Тот кивнул. Кардинал покачал головой и тихо продолжил: – Он слишком не похож на остальных провинциальных аббатов. И это настолько явно бросается в глаза, что я начинаю думать,

зачем он так выпячивает эту свою непохожесть.

Лайонс еле заметно повел плечами и ответил тихим шелестящим голосом:

– Копты всегда были довольно странной сектой.

Макгуин покосился на своего секретаря:

– Насколько я помню досье, он ушел от коптов около восьми лет назад.

– Да, но до этого он двадцать лет провел на Ледяной Пустыне. А это может вынести только настоящий копт. – Секретарь чуть искривил губы в улыбке. – Вы ведь знаете, как говорят: «можно перестать молиться, потерять веру или уверовать в сатану, но нельзя перестать быть коптом».

Маршал-кардинал потер лицо ладонью:

– Ладно, ты меня понял.

Секретарь, решив, что разговор окончен, повернулся, чтобы уйти. Но тут вновь раздался голос кардинала:

– И еще я хочу знать, где он так ловко научился обращаться с пороховым ружьем. Вряд ли это произошло на Ледяной Пустыне.

Секретарь на мгновение застыл, ожидая продолжения, но за спиной раздался щелчок, и сразу за этим луженая глотка кардинала взревела:

– ДАЙ!

Часть I

Клыки за спиной

– Карим, еще вина! И убери подальше отсюда эту лохматую вонючку.

Услышав этот вопль, Карим поморщился, подхватил двухлитровую пластиковую тубу дешевого забродившего вина, нырнул в липкое жаркое марево, заполнявшее зал, и не очень-то торопливо двинулся в сторону, откуда донесся вопль страждущей глотки. Духан «Аль-акра», как и большинство других припортовых забегаловок, располагался в изрядно облупленном здании старого пакгауза. Стандартные комплекты портовых пакгаузов выпускались всего лишь десятком фирм и были предназначены для необслуживаемой эксплуатации в течение всего гарантийного срока. Причем производители так наловчились клепать свои комплекты, что, с одной стороны, надежность пакгаузного оборудования вошла в поговорку, а с другой – еще ни один пакгауз не проработал более полугода после окончания гарантийного срока. При этом все оборудование выходило из строя практически одновременно. И здания, спроектированные под системы принудительной вентиляции и непрерывного кондиционирования, превращались в сущие душегубки. А поскольку в стоимости комплекта само здание составляло всего семь процентов, а снос оценивался почти в сорок, большинство грузовых компаний просто продавало сломавшийся пакгауз кому бы то ни было по цене металлолома и в полусотне метров ставило новый. Продажа была необходима, поскольку законодательство большинства планет требовало утилизации вышедших из употребления строений и механизмов. И ни одна компания не могла получить лицензии на возведение нового пакгауза, если у нее на балансе висел вышедший из строя терминал. А так – я не я и хата не моя. Конечно, все это было сплошным надувательством, но местные власти чаще всего смотрели на подобные сделки весьма благосклонно. Поскольку, во-первых, большинство компаний, приобретавших старые пакгаузы, приспособливало их под ночлежки, снимая с плеч муниципальных властей еще одну головную боль, а во-вторых, и самим властям от этого кое-что перепало. Так что старые порты уже давно обросли по окраинам посадочного поля полуразвалившимися зданиями, в которых днем и ночью колготились отбросы космических путей, большинству из которых просто некуда было деться.

Несмотря на то что марево было столь густым, что в нем уже за пару шагов едва различались контуры людей и приземистые тени столов, Карим шмякнул бутылку именно на тот стол, откуда кричали. У него был хороший ориентир. В порту Эль-Хадра, как и в любом другом, хватало побирушек. И, как и везде, их не очень-то любили, награждая сотней различных презрительных кличек. Но очень редко кто из них удостоивался прозвища «лохматой вонючки». Дело в том, что, как правило, большинство припортовых попрошаек были бывшими корабельными. А беи – владельцы кораблей – не очень-то охотно тратились на защиту. Не встречая, впрочем, особого противодействия со стороны команд. Это там, среди гяуров, принято заниматься всякими глупостями типа профсоюзов. А правоверные предпочитают тратить свое время более разумно. Так что отличительной чертой практически всех припортовых попрошаек любого порта султаната было абсолютное отсутствие волос. Все, не только череп, но даже надбровные дуги и мошонка, было чисто, как у младенцев. И потому только одно существо в порту Эль-Хадра могло быть награждено эпитетом «лохматая вонючка» – странный старик, судя по всему из неверных, то есть потомок собаки, невесть откуда появившийся в духане Карима полгода назад. Он снял узкую, будто пенал, комнату под самой крышей и все это время практически носил из нее не

высовывал. И только иногда, далеко за полночь, странный постоялец тихо и незаметно выползал из своей норы и занимал облюбованное им место в конце зала, у самого дальнего стола. Он никогда ничего не заказывал и не пил, даже когда угощали, а только молча сидел, подслеповато щурясь и кривя губы. А потом так же тихо исчезал, будто растворяясь в мареве. Когда Карим в полдень поднимался наверх, чтобы принести странному постояльцу оплаченную им миску чечевичной похлебки, дверь каморки подавалась назад, а в образовавшуюся щель просовывалась тонкая старческая рука, захватывала миску и вновь исчезала. Старикашка явно от кого-то скрывался. Кариму это не очень нравилось. Как не нравился и сам старикашка. Сказать по правде, если бы некие таинственные недруги появились в Эль-Хадре и пустили слух, что гарантируют вознаграждение за поимку его неприятного постояльца, Карим самолично сдал бы им старикашку с рук на руки. Карим, как и большинство старых солдат султана, терпеть не мог неверных. И в том, что он решил остановиться в Эль-Хадре, немаловажную роль играло то, что этот порт находился в самом сердце султаната и сюда редко добирались корабли неверных. В этом не было ничего личного, просто каждый знает, что именно эти сыны собаки мутят правоверных и подстрекают к мятежу. Отчего солдатам султана, вместо того чтобы спокойно отслужить, не покидая своих казарм, приходится мотаться по всему султанату. Но пока никто так и не появился. А мысль обратиться в полицию в свете местных нравственных норм выглядела просто кощунственной. Публично отвернуть башку или подстеречь и сунуть под ребро пять дюймов доброго кучибанского булата – это всегда пожалуйста, но вмешивать в дело сарвази...

Старик сидел на своем обычном месте – у свободного торца обшарпанного стола. Судя по всему, он не знал местных наречий, потому что, несмотря на явно агрессивный вопль соседа, заказавшего вино, в его подслеповатых глазах еще не появилось следов страха. В общем-то, он явно выбрал не то место. Этот стол был самым разбитым – он тускло поблескивал множеством пластиковых заплат и головками стягивающих болтов. Как-то так получилось, что его чаще всего облюбовывали особо буйные компании. Так что непотребный вид был вызван гораздо более вескими причинами, чем время или вот это липкое марево, довольно быстро приводящее в негодность и мебель, и одежду, и, как часто казалось Кариму, людей. Во всяком случае, перед глазами Карима прошла целая череда таких, крепких, как сначала казалось, космических странников, которые возникали на пороге его духана, уверенным шагом проходили через зал и небрежным жестом бросали на стойку серебряный. Они все собирались двинуться дальше «со следующим кораблем». Но корабль почему-то задерживался, и серебряные сменялись медью. Затем в ход шли вещи. И вот уже от уверенного вида ничего не осталось, вместо добротной одежды – лохмотья. И однажды утром в припортовом закоулке кто-то натыкается на еще одно окоченевшее тело. Впрочем, если где-то на окраине светоч правоверных затевал очередную войну, на этих неприкаянных нисходила благодать Аллаха. Хотя Карим точно знал: что так, что эдак – один черт, а все эти байки о мюридах, павших на поле боя и теперь услаждаемых небесными пери, не стоят выеденного яйца. Однако всегда оставался шанс. Вот ему повезло. После двадцати лет службы он сумел-таки подкопить достаточно денег, чтобы арендовать пару секций старого пакгауза и открыть свой духан. Но, как перед самым увольнением выяснил его приятель из службы суюнчи, Карим оказался единственным выжившим из всего выпуска учебного партията. Один из пяти сотен человек! Что это, как не везение? Хотя в чем в чем, а уж в людях светоч правоверных недостатка не испытывал. Редкая ханум разрешалась от бремени

менее пяти раз, а большинство радовали детьми мужей и Аллаха раз по семь-восемь. И большая часть младенцев, благодарение Аллаху, выживала (да падет его гнев на нечестивых гяуров, сынов собаки, придумавших родовое вспомоществование и реанимаклавы).

Карим еще пару секунд постоял около стола, неодобрительно хмурясь в сторону разбушевавшейся компании. Несмотря на то что духану Карима не было еще и года, местные завсегдатаи уже успели оценить крепость кулаков старого чахванжи. И потому зачастую достаточно было только одного сурового взгляда, чтобы утихомирить разбушевавшегося пропойцу. Но на этот раз компания слишком разгулялась. Впрочем, по большому счету Кариму было на них наплевать. Если начнут слишком буянить, что ж, будет за чей счет сменить этот стол. Даром что он и так еле дышит. Карим повернулся и двинулся обратно к стойке.

Духанщик успел пройти почти половину зала, как вдруг сзади раздался звук, услышать который здесь, в своем духане, Карим никак не ожидал. Легкий хлопок, а затем еле слышное шипение клапана сброса давления. Обычное ухо вряд ли даже различило бы этот звук в гомоне, заполнявшем зал, но за двадцать лет службы чахванжи научился тому, что иной вовремя замеченный шорох может оказаться единственной причиной, по которой ты еще остаешься вне пределов райских садов пери. А он, несмотря ни на что, пока туда не торопился.

Этот звук Карим не спутал бы ни с каким другим. Первый раз он услышал его почти восемнадцать лет назад, во время подавления Искарамского мятежа. И то, что он тогда остался жив, можно было объяснить только благосклонностью Аллаха. Из всего Второго Смертоносного партията Одиннадцатой Бахчай-кустумской Сокрушительной олии выжило только восемнадцать человек. Большинство даже не успели проснуться. А в памяти Карима после той ночи накрепко отложилось: когда в дело вступают пневматические игольники – забивайся в самую дальнюю щель и возноси молитвы Аллаху. И сейчас он поступил именно так: рухнул на пол и с отчаянной скоростью пополз между столов в угол зала, где рядом со стойкой примостился маленький столик на гнутых ножках, укрытый длинной, до пола, кружевной скатертью. На столике лежал плоский стандартный голопроектор, над которым висело в воздухе объемное изображение султана Кухрума, милостью Аллаха мудрого и твердого правителя султаната Регул, ставшего таковым восемнадцать лет назад после кончины своего старшего брата, по упорно ходящим слухам, удушенного начальником личной охраны. В дальнейшем слухи расходились. Кое-кто считал, что если уж новоиспеченный султан Кухрум сразу после переворота казнил начальника охраны своего брата и изрядно проредил сотню телохранителей-иничари – то, раз он столь сурово обошелся с убийцами, значит, не имеет к убийству брата никакого отношения. Но большинство считало, что как раз именно потому-то и имеет. И сам Карим склонялся к точке зрения большинства.

Впрочем, сейчас ему было не до того. И его странный порыв не имел ничего общего с попыткой отдать дань уважения или вознести молитву могущественному султану. Просто опускающаяся до самого пола скатерть скрывала узкий, но вполне проходимый лаз, который вел прямо из зала духана в полуразвалившиеся дренажные тоннели. Конечно, у духана была пара запасных выходов, один из которых был прямо за стойкой, и Карим не раз предоставлял возможность некоторым посетителям, не особо горевшим желанием встречаться с сарвази во время редких и ленивых полицейских облав, за определенную мзду незаметно покинуть духан. Но пневматический игольник слишком серьезное оружие, чтобы пользующиеся ими люди позволили себе допустить ошибку и не подстраховать черные ходы. Так что духанщик

сразу выбросил из головы мысли о запасных выходах. Тем более что клапаны сброса давления шипели уже почти непрерывно, создавая впечатление, что в духан забралась целая стая разъяренных змей. До большинства посетителей уже дошло, что происходит что-то необычное, но, судя по тому, что возбужденный гул голосов еще не перекрыли испуганные вопли, опасность происходящего этому большинству пока не открылась в полной мере. Карим успел добраться до самого столика, когда правильность его решения наплевать на запасные выходы получила наглядное подтверждение. Двое, по-видимому из завсегдатаев (лиц он не успел рассмотреть), которым повезло одними из первых врубиться в ситуацию, вынырнули из марева, перемахнули через стойку и распахнули дверь на улицу.

На этом их везение кончилось. Снаружи послышалось знакомое шипение, и ноги, все-таки пронесшие своих хозяев через дверной проем, уже принадлежали мертвецам. Карим с трудом сглотнул тугий комок, внезапно заперший глотку, и склонился над столиком в молитвенной позе. Сразу нырять в лаз было опасно. Судя по скорости, с которой были произведены эти два выстрела, нападавшие обладали слишком быстрой реакцией, а сектор обстрела со стороны черного хода, дверь которого так и осталась открытой после неудачной попытки этих двоих, перекрывал столик почти на две трети. Стоило подождать еще несколько секунд, пока наконец большинство посетителей не осознают происходящее и не рванут во все стороны, стараясь сохранить свои жалкие душонки. Правда, существовала вероятность, что еще до того момента Карим распрощается с жизнью, но все-таки получить иглу в задницу в тот момент, когда он будет протискиваться в узкий лаз, более вероятно. Нападавшие явно были профессионалами, а любой профессионал всегда поражает цели по степени их угрозы. Карим же надеялся, что его коленопреклоненная поза отнесет его в самую нижнюю строчку списка целей.

Чахванжи не задавался вопросом, кто и зачем послал в духан убийц и во что ему это обойдется. Если дело в разборках местных банд, завтра об этом будут трещать на всех перекрестках, а если дела слишком серьезные, то интересоваться – себе дороже. Сейчас главное – выжить. Убытки будем считать после. А на репутации заведения это никак не отразится. Редкий духан в порту Эль-Хадра мог похвастаться тем, что переживал подобные разборки реже одного раза в квартал. Поэтому все духанщики изначально закладывали возможное возмещение ущерба в стоимость подаваемого пойла и жратвы.

Наконец, когда духанщику стало казаться, что время остановилось, из середины зала раздался первый испуганный вопль. Он оборвался через долю секунды, но тут крик подхватили еще с десятков глоток, затем послышался грохот падающей мебели и треск искровых разрядников. Карим криво усмехнулся. Эта рвань пытается сопротивляться... В этот момент за стойкой вновь послышались хлопки и шипение клапанов. Карим подобрался. Похоже, внимание контролирующих черный ход отвлекло происходящее в зале. Это давало шанс. Духанщик медленно опустил лоб к полу, будто отбивая поклон, а затем со всей мочи бросил свое дородное тело вперед, под скатерть, моля Аллаха совершить чудо и смазать стенки лаза маслом, дабы столь объемный предмет миновал их сколь возможно быстрее.

Похоже, сегодня Аллах оказался к нему благосклонен. Карим проскользнул в лаз будто нож в масло. Мелкую неприятность вроде оторвавшейся ржавой укосины, со всего маха засветившей ему в лоб, когда он летел по нисходящему желобу, можно было не принимать в расчет. Тем не менее это стоило ему пары-тройки секунд потери сознания. Впрочем, судя по потоку крови, заливавшей лицо, и по тому, как звенело в голове, в другой ситуации он, вероятно, не так быстро пришел бы в себя, но сейчас вся сущность старого чахванжи была

нацелена только на одно – выжить. Поэтому, очнувшись на заваленном обломками кирпича полу развилки тоннеля, Карим быстро поднялся на ноги и, отшвырнув рухнувшую на него укосину, шатаясь, припустил к распределительному щитку. Щиток давно сгорел, потерял крышку и теперь демонстрировал всем, кто имел желание бросить на него брезгливый взгляд, черные, полусгнившие и забитые окалиной внутренности. Но на правой стенке, за клубком обгоревших и слипшихся проводов, Карим приладил простенький тумблер, приводящий в действие массивную заслонку из куска корабельной обшивки, наглухо перекрывавшую лаз. Духанщик справедливо полагал, что если или, вернее, когда ему наконец-то придется воспользоваться лазом, то будет разумным обеспечить себе максимально возможную фору.

Он почти успел. Когда Карим, в очередной раз утерев уже намокшим рукавом заливавшую глаза кровь, рухнул на щиток, налегая на маленький тумблер всем своим весом, сверху ухнул гулкой удар упавшей перегородки. Духанщик облегченно сполз по стене. Но сразу же после этого послышался шелестящий звук. Это означало, что в его лаз проскользнул кто-то еще. И этот кто-то успел проскочить заслонку до того, как она закрылась. Духанщик скрипнул зубами. Неужели все напрасно? Он попытался подняться, но ноги слушались плохо, – по-видимому, удар укосины был слишком силен, – и Карим остался на месте и обессиленно прикрыл глаза. Он сделал все, что мог, и теперь ему оставалось только отдаться на волю Аллаха...

Преследователь рухнул на пол со странным утробным взвизгом. Этот звук как-то не очень вязался с образом человека, вооруженного пневматическим игольником, поэтому Карим живо открыл глаза и уставился на вновь прибывшего. О шайтан! Это оказался тот самый странный старикашка. Но как ему удалось выкрутиться? Духанщик был готов поклясться, что первый выстрел игольника прозвучал именно от того стола, за которым тот обычно обретался. Старикашка испуганно огляделся, не замечая Карима, а потом со всхлипом вздохнул. Духанщик зашевелился и начал торопливо подниматься. Раз уж судьба предоставила ему шанс, он не собирался растрачивать его на разгадывание столь бесполезных загадок. Старикашка жив, ну и шайтан с ним, пусть теперь делает со своей жизнью все, что заблагорассудится. А ему сейчас некогда. Но тот, замерев от неожиданности, наконец-то разглядел, кто это производит столь угрожающий шум, и прямо-таки прынул к духанщику:

– Благословение Господу, вы здесь, уважаемый. А я уж испугался, что мне придется самому разбираться в этих катакомбах.

Карим скривился (этот сын собаки еще смеет упоминать своего собачьего Господа на земле правоверных!), но сдержался и только раздраженно буркнул:

– Отстань.

Но старикашка уже доковылял до старого чахванжи и вцепился в рукав халата как клещ:

– Боже, у вас кровь на лице. Позвольте, я вам помогу.

Ну вот, опять! Духанщик попытался свирепо нахмуриться. Но движение кожи лба, по-видимому, повредило уж немного запекшийся рубец, и Карим почувствовал, как по переносью вновь побежала струйка крови. А старик уже ковырялся в сумке, висящей у него на поясе. Спустя несколько мгновений он выудил из сумки какую-то блестящую полоску и ловко приложил ее ко лбу. Карим почувствовал прохладу, и кровотечение сразу же прекратилось. А кроме того, боль, все это время отдававшаяся в висках при малейшем движении, куда-то исчезла, оставив только слабую тень, больше похожую на воспоминание.

Карим хмыкнул. Вот собачьи дети. До чего додумались. Недаром банчия их партията рассказывал, что эти гяуры – не мужчины. Настоящий мужчина должен уметь терпеть боль, а они ломают себе головы над тем, как бы ее облегчить. Но сейчас это было весьма кстати. Тем более что у них получилось. Правда, это отнюдь не означало, что Карим вдруг оказался чем-то обязан этому старикашке. Правоверный не может быть ничем обязан сыну собаки. Однако теперь духанщик мог передвигаться достаточно быстро. Он вырвал рукав из руки старика и более-менее твердым шагом двинулся вперед по тоннелю. Старикашка засеменял за ним не отставая. Карим нахмурился, но промолчал. Все-таки пластырь этого христианина ему помог. Так что до выхода из тоннеля вполне можно потерпеть его присутствие.

Лаз наружу Карим устроил за здоровенным куском корабельной обшивки, скорее даже обломком целой секции, который все окружающие, кто еще сохранил воспоминания о мусорных баках, использовали именно в этом качестве. Причем никто как-то не подумал о том, как этот мусор отсюда вывозить. Поэтому к настоящему моменту секция практически скрылась под горой мусора и гниющих отходов, теплыми склизкими кучами покрывавших всю прилегающую территорию. Так что можно было надеяться, что большинство моделей дешевых инфракрасных и энзимных сенсоров в радиусе сотни ярдов от свалки окажутся абсолютно неработоспособными. А в том, что скромный духанщик попадет в поле зрения людей, способных потратиться на дорогую аппаратуру, Карим сильно сомневался. Впрочем, сейчас бывший чахванжи мог уже поверить во что угодно.

Они выбрались наружу, обрушив небольшую горку картонных коробок, из которых несло чем-то сладковатым. Причиной шума был именно старикашка, который, выбираясь из узкой щели, неловко подтянул ногу. Карим чертыхнулся про себя. Вроде размерами только в четверть самого духанщика, а сколько от него шума! Впрочем, что еще взять с неверного. Слава Аллаху, их совместное путешествие закончилось. Карим отвернулся от старика и двинулся в сторону соседнего пакгауза. Но у того, видимо, были совершенно другие намерения. Не успел духанщик сделать и десятка шагов, как позади раздался дребезжащий старческий голос:

– Постойте, уважаемый, куда же вы? Подождите меня.

Карим поморщился, но шага не замедлил. Но старик заголосил еще громче. Карим вздохнул, недовольно скривился и повернулся к старикашке, который торопливо догонял его, смешно подволакивая обе ноги. Когда тот оказался рядом, бывший чахванжи схватил его за ворот и, приподняв к своему лицу, прорычал:

– Ну ты, сын собаки, не смей тащиться за мной. Понятно?! – после чего швырнул его на ближайшую кучу мусора и повернулся, намереваясь двигаться дальше.

Старик всхлипнул и удивленно произнес:

– Но вы не можете меня бросить. Я же... я же пропаду. Я тут ничего не знаю.

Карим скривил губы в презрительной усмешке. Нет, прав был банчия. Гяуры – не мужчины. Как это по-христиански: «Вы не можете меня бросить, потому что я без вас пропаду!» Ну кому нужен такой урод?

Но тут старик снова заговорил:

– Послушайте, вам нельзя меня оставлять. Вы же не знаете, с чем столкнулись. *Они* все равно вас найдут. А я могу вам помочь.

Карим успел отойти почти на десять шагов, прежде чем остановился, пригвожденный к месту мыслью после этих слов старика. Несколько секунд он стоял, ошарашенно поводя головой, а затем повернулся и, подскочив к старику, притянул его вплотную к своей

рассвирепевшей физиономии:

– Так люди, которые разгромили мой духан, пришли за тобой? Ах ты... сын ишака!

Он тряхнул неверного так, что у того клацнули челюсти. Надо же, единственный раз он позволил неверному остановиться у него в духане – и на тебе! Но старикашка, с трудом протолкнув воздух сквозь стиснутое воротником горло, произнес:

– Да, они пришли за мной, но это не люди.

– Что?! – Карим от удивления слегка ослабил хватку. А старик, сумевший наконец-то достать ногами до земли, упрямо набычил голову и повторил:

– Они не люди. И они никогда не оставят вас в покое. Как мне представляется, они получили приказ ликвидировать всех, кто хотя бы просто видел меня. И они не остановятся, пока не выполнят этого приказа. Потому что такова их природа.

– Откуда ты знаешь?

Старик пожал плечами:

– Я знаю о них все. Потому что именно я их и создал.

И в этот момент до духанщика наконец дошло, что он никогда уже не вернется в свой духан.

Огромный бронированный борт «Дара Иисуса», боевого корабля-монастыря ордена братьев-меченосцев Иерусалимских, уже заполнил весь лобовой экран, создавая иллюзию того, что челнок вот-вот врежется в эту броневую стену. Брат Томил нервно откинулся назад и едва сдержался, чтобы не прикрыть глаза. Он терпеть не мог летать с военными. Все эти резкие ускорения, торможения на грани того, чтобы не воткнуться в борт соседу, развороты буквально в паре ярдов от причальной балки и полное пренебрежение комфортом пассажиров раздражали его донельзя. И все это под ехидные усмешечки и глубокомысленные рассуждения о маневрах выхода из-под огня. Полная чепуха, направленная только на то, чтобы безнаказанно всласть поиздеваться над нормальными людьми. Однако большую часть своих относительно частых поездок брат Томил вынужден был совершать именно на военных кораблях. А чего же тут ожидать, если ты состоишь в штате военной епархии. Да еще в личном секретариате маршал-кардинала Макгуина. Впрочем, на этот раз у него была еще одна причина испытывать неудовольствие. Едва ли не затмевающая первую. Но с ней тоже ничего нельзя было поделать...

Брат Томил покосился на остальных пассажиров. Их было двое. Высокий дюжий аббат и, мягко говоря, излишне дородный монах-доминиканец. Странная парочка. Непонятно, что могло объединять этого ломовика, судя по впалому животу, отнюдь не страдающего грехом чревоугодия, и столь явного поклонника и ублажателя своего объемистого брюха. Но стоило приглядеться к монаху повнимательнее, то можно было заметить, что его ручищи способны сжиматься, демонстрируя миру пудовые кулаки. Впрочем, если бы брат Томил страдал таким грехом, как невнимательность, он никогда не попал бы в личный секретариат маршал-кардинала.

В этот момент челнок резко дернулся, заставив пассажиров повиснуть на пристежных ремнях, и брат Томил пребольно ударился подбородком о нагрудную пряжку. В следующее мгновение коротко взвыли магнитные захваты и лобовой экран погас. Это означало, что их путешествие... началось.

Вернее, для брата Томила все началось еще две недели назад. Когда личный секретарь маршал-кардинала брат Лайонс вызвал его к себе и огорошил заявлением:

– Брат Томил, его преосвященство решил поддержать один гуманитарный проект. – Тут брат Лайонс замолчал, на пару мгновений увлекшись созерцанием оторопевшей физиономии подчиненного. Судя по его невозмутимому виду, он ожидал именно такой реакции (впрочем, это было немудрено, ибо кто ж не знает, что маршал-кардинал, услышав словосочетания «гуманитарный проект» или «гуманитарная миссия», становится похож на архангела Гавриила, низвергающего сатану в бездну ада, хотя выражения, которые в этот момент слетают с его уст, вряд ли были бы позволены даже архангелу, пусть и во время столь богоугодного дела), а затем продолжил: – Этот проект предложил на рассмотрение его преосвященства один провинциальный аббат. Однако маршал-кардинал придает этому проекту чрезвычайно важное значение. И для его успешного воплощения требуется заручиться поддержкой и согласием на участие нескольких светских учебных заведений. Вам поручается сопровождать аббата на переговорах с ректорами этих учебных заведений и оказать ему всю возможную поддержку.

Брат Томил достаточно долго проработал в высших слоях церковной власти, чтобы за

время, пока брат Лайонс сообщал ему все эти сведения и содержание его поручения, успеть полностью прийти в себя. Поэтому все его последующие вопросы были разумные и деловые.

– Надо ли понимать, что мое участие не ограничится только помощью в переговорах с ректорами?

Брат Лайонс утвердительно наклонил голову:

– Да. Мы думаем предложить вам сопровождать аббата... Ноэля в его трудах.

От брата Томила не укрылась легкая заминка, разделившая духовный сан и имя аббата. А это означало, что с этим аббатом на самом деле все не так просто. Поэтому следующие вопросы были вполне закономерны.

– Проект аббата финансируется за счет бюджета военной епархии?

– Да. И должен вам сказать, что эти расходы серьезно замедлят введение в строй «Десницы Господней». – Брат Лайонс опять сделал короткую паузу, ожидая, что на лице брата Томила вновь возникнут признаки удивления. Ведь всем была известна фраза маршал-кардинала о том, что, если месса Папы замедлит ввод в строй этого исполинского корабля-монастыря хотя бы на час, он заставит Папу отменить мессу. Но брат Томил был слишком искусственным бюрократом, чтобы дважды повторять одну и ту же ошибку. Поэтому брат Лайонс был вынужден испытать легкое разочарование и спокойно закончить: – Одно это должно вам показать, какое большое значение его преосвященство придает этому проекту.

Брат Томил изобразил на лице еще более озабоченное и ответственное понимание, однако счел своим долгом уточнить:

– Означает ли это, что на меня возложена задача контролировать расходы аббата Ноэля?

Брат Лайонс отрицательно покачал головой:

– Нет, аббат облечен полным доверием маршал-кардинала. – Он сделал паузу и, покопавшись в ящике своего стола, извлек оттуда тонкую черную пластинку церковной карты. – Впрочем, вы тоже будете иметь доступ к счету экспедиции. Однако прошу вас помнить, что воспользоваться своими правами вы можете только в исключительном случае. – Он на мгновение запнулся и закончил безразлично-неопределенным тоном: – То есть когда он вам покажется таковым.

Брат Томил склонил голову в вежливом полупоклоне. Последняя фраза сказала ему очень многое. То, что это будет экспедиция, а не какой-то кабинетный исследовательский проект, в конце концов он все равно узнал бы в течение ближайшего часа. Главное же то, что, несмотря на демонстративную горячую поддержку, личный секретарь его преосвященства, а может, и сам кардинал Макгуин несколько опасаются данного проекта и не исключают наличия подвоха. В то же время по каким-то причинам не имеют возможности не только отказаться от его воплощения, но и даже несколько отстраниться от его подготовки. И, судя по некоторым намекам, которые брат Лайонс искусно вплел в их беседу, проблема заключалась в аббате. А это означало, что основной миссией брата Томила будет как раз попытка разобраться в том, что на уме у аббата и в чем состоит вероятный подвох.

Брат Лайонс выудил из того же ящика стола тоненькую папку и протянул подчиненному:

– Вот здесь все необходимые сведения о предстоящей работе.

Судя по толщине папки, количество сведений было далеко от того уровня, который брат Томил склонен был оценивать как необходимый, но церковь еще на заре своего зарождения приняла принцип «ищущий да обрящет» в качестве одного из основополагающих постулатов своей деятельности. А для бюрократического клира центрального аппарата Верховного

престола этот принцип давно уже трансформировался в практические навыки. Поэтому брат Томил принял папку, облобызал руку своего непосредственного начальника и, подставив аккуратно депилированную тонзуру для короткого благословения, покинул кабинет.

Войдя в свою келью, брат Томил запер дверь, скинул строгую рясу, облачился в теплый регуланский махровый халат ручной работы и уселся за стол, изготовленный по заказу из комля тапионки – каменного дерева, продукта мутации обыкновенного дуба, произрастающего только на одной планете известного людям участка галактической спирали. В общем-то, эти вещи смотрелись в скромной монашеской келье несколько не на своем месте. Но высшее руководство церкви взирало на подобное отступление от декларируемых правил скромности и воздержания сквозь пальцы. В конце концов, celibat лишал клир такого мощного источника удовольствий, как секс, и добровольный отказ от него являлся поступком, дающим право на некоторые слабости. Тем более что они никогда не выходили за разумные рамки и укрывались от посторонних глаз за скромными дверями монашеских келий. К тому же у брата Томила были наиболее безобидные предпочтения. Он всего лишь любил уют. Несмотря на отработанную до практически полного молекулярного соответствия технологию получения искусственных тканей, натуральная вещь как-то по-особому ласкает кожу.

Запустив компьютер, брат Томил открыл папку. В ней было всего три листка распечатки, поэтому процесс ознакомления со «всеми необходимыми сведениями» не занял много времени. Закончив чтение, брат Томил отложил распечатку в сторону и повернулся к монитору. В принципе, кое-что прояснилось, но брат Томил не привык делать поспешных выводов. Выводы, сделанные на основании недостаточной информации, как правило, становились причиной ошибок, а это в политике гораздо хуже, чем преступление. Поэтому брат Томил вывел на экран список баз данных, в которые он собирался запустить своих поисковых роботов. Подумав, он не стал ничего убирать, а, наоборот, вытащил из «папки» еще около сотни наименований баз данных и добавил их к стандартной номенклатуре. После чего нажал «Ввод», поднялся и, сладко потянувшись, двинулся в угол кельи, где была устроена небольшая кухня.

Приготовив себе чашечку кофе и пару бутербродов с паюсной икрой, он вновь вернулся к столу и употребил все это, поглядывая на экран. Хотя занятие это было довольно бесполезным. Только обработка информации по базам данных стандартной номенклатуры занимала от трех до шести часов. А с учетом дополнительных время обработки должно было увеличиться как минимум часов до десяти. Так что брат Томил мог со спокойной совестью идти спать. Что он и сделал.

На следующее утро брат Томил проснулся довольно поздно. По-видимому, тихие трели компьютера, показывающие, что поисковые роботы еще не закончили свою работу, подсознательно позволили ему поспать подольше. Но рано или поздно все равно надо было вставать. Поэтому брат Томил поднялся, принял душ и приготовил себе чашечку крепчайшей арабики, настоящего земного кофе, стоящего на Ватикане целое состояние. Обычно он обходился троем, лучшим энтолионским сортом. Но центральное светило Энтолиона имело спектр, совпадающий со спектром Солнца только на шестьдесят семь процентов, а сам Энтолион был на пять процентов ближе к своему светилу, чем Земля. Поэтому, несмотря на то что там произрастал лучший после земного кофе, настоящие гурманы не ставили его даже рядом с земным. И оттого даже самый захудалый сорт земного кофе стоил раз в десять дороже, чем «золотой трой». Ну еще бы, Энтолион экспортировал почти восемьсот

миллионов глобов кофе ежегодно, а Земля всего триста тысяч. Хотя вообще-то это была не самая главная причина...

К полудню терпение брата Томила окончательно исчерпалось. Он подошел к компьютеру, посмотрел на синюю полосу графика обработки, едва перевалившую за половину, и раздраженно хлопнул по клавише остановки. Но подобное настроение отнюдь не шло на пользу делу, поэтому, прежде чем сесть за просмотр результатов поиска, брат Томил опустился на колени и прочитал «Te Deum». Это, как обычно, позволило ему успокоиться, и за монитор он сел в рабочем настроении.

Спустя сорок минут брат Томил отодвинулся от монитора и крепко задумался, откинувшись на спинку кресла. Поисковые роботы сумели накопать не очень много, да и большинство того, что они накопили, было всего лишь ссылками на публикации открытой прессы. А в остальном никаких следов. И это было очень странно. Как будто аббат действительно был простым провинциальным священником, существующим только на установленную ему церковным советом скромную долю доходов провинциального аббатства.

Программа не обнаружила никаких следов его сношений с другими иерархами, за исключением чисто казенной переписки, никаких трат, проливающих свет на его наклонности и увлечения. Даже писем о вспомоществовании от имени аббатства рассылалось крайне мало. Не было и намека на то, по какой причине столь затратный проект провинциального аббата внезапно получил такую поддержку, что кардинал Макгуин вынужден был согласиться принять на себя его финансирование. А все странности, имеющиеся в этом деле, все намеки брата Лайонса и весь немалый опыт самого брата Томила наталкивали на вывод, что поддержка кардиналом этого проекта стала для него результатом неудачи в какой-то сложной многоходовой интриге. И эта же интрига неким образом связала статус кардинала с успехом данного проекта. А сейчас кардинал прилагал невероятные усилия, чтобы выпутаться из сложившейся ситуации. Все это было не очень приятно, поскольку брат Томил не страдал грехом, именуемым гордыня, и старался держаться подальше от хитросплетений политики высших иерархов. Хотя то, что для столь щекотливого поручения избрали именно его, немного льстило его самолюбию. Но больше всего во всем этом деле брату Томилу не нравились две вещи. Во-первых, он совершенно не понимал, почему его преосвященство позволил себе связаться с коптом. И во-вторых, на кой черт это все самому аббату? Но брат Томил уже давно привык, что ему, как, впрочем, и любому другому чиновнику такого ранга, жизнь, как правило, подкидывает задачи, условия которых нравятся крайне редко. И потому он, как обычно, вооружился смирением и верой и принялся за дело, что и привело его сегодня на борт «Дара Иисуса»...

Капитан корабля, аббат Самуил, встретил их в шлюзовой. Он и брат Томил знали друг друга довольно давно и столь же давно друг друга недолюбливали. То, что предстояло совершить путешествие на корабле, капитаном которого был аббат Самуил, только усугубляло недовольство брата Томила. Он считал аббата Самуила неотесанным чурбаном и прямолинейным тупицей, которому не место в клире, а сам аббат не раз заявлял кардиналу Макгуину, у которого ходил в любимцах, что не понимает, как тот может терпеть рядом с собой такую изнеженную и слащавую крысу, «как этот Томил». «Доброжелатели» донесли до ушей брата Томила большую часть ответов кардинала, сопровождаемую хохотом, вырывающимся из его луженой глотки, но, как бы там ни было, брат Томил по-прежнему оставался в штате военной епархии.

Аббат Самуил бросил на прибывших оценивающий взгляд, мельком скользнув глазами

по кислой физиономии брата Томила и задержавшись на остальных, а затем склонил голову в коротком поклоне, в котором явно сквозила нотка пренебрежения.

– Я – настоятель и капитан этого корабля. Его преосвященство попросил меня подбросить вас до Келеньи и Симарона. Я сделаю это. Только по пути мы зайдем на Таврос. Поэтому до Келеньи вы доберетесь только во вторник.

Брат Томил ахнул. Переговоры с ректорами семи крупнейших университетов Келеньи были назначены на утро понедельника. А все знали, как щепетильны келенийцы в вопросах соблюдения протокола. Тем более ученые подобного ранга. Брату Томилу пришлось приложить гигантские усилия и заручиться поддержкой всех опекунских советов только для того, чтобы хотя бы идея такой совместной встречи не была отвергнута с порога. В принципе, можно было, конечно, ограничиться и двусторонними встречами, но аббат Ноэль тонко заметил, что склонить к участию в проекте столь неординарные личности на совместной встрече будет значительно легче. Вряд ли кто-либо из ректоров сможет спокойно принять возможное единоличное участие конкурента в подобном проекте. Но если они опоздают, то даже о двусторонних встречах можно будет забыть. По-видимому, это хорошо понимал и аббат Ноэль. Он сделал шаг вперед и заговорил:

– Прошу простить меня, брат мой, но это совершенно невозможно. Мы должны прибыть на Келенью не позже раннего утра понедельника.

Аббат Самуил скривил губы в саркастической улыбке:

– Прошу простить меня, брат мой (формально аббат Ноэль имел право на такое обращение, поскольку обладал одинаковым статусом с аббатом Самуилом, но вряд ли кто в здравом уме и твердой памяти мог поставить на одну доску захудалого провинциального аббата и капитана боевого корабля-монастыря), но мы пойдем на Келенью только тогда, когда Я это решу. – И он замолчал, насмешливо глядя на аббата Ноэля.

Аббат невозмутимо кивнул, будто и не заметив в тоне капитана нарочитого ерничанья:

– Дело в том, брат мой, что нам совершенно необходимо попасть на Келенью именно в то время, которое я указал. Если мы прибудем позже, наша поездка будет лишена всякого смысла. – Он сделал паузу, устремив на капитана кроткий и ожидающий взгляд. Причем настолько кроткий, что брат Томил готов был расценить его как некую изощренную форму издевательства. Но аббат Самуил, по-видимому, этого не понял, поскольку продолжал смотреть на гостя все тем же насмешливым взглядом, в котором к тому же уже всюду сквозило презрение.

В шлюзовой повисла напряженная тишина. Брат Томил ждал, сколько мог, стараясь максимально оттянуть момент, когда ему самому придется выйти на сцену и столкнуться с аббатом Самуилом, но пауза уже затянулась настолько, что стала просто неприличной. Поэтому он вздохнул и открыл рот, собираясь вмешаться. Но тут копт выдал такое, что еще больше укрепило брата Томила в его предположениях. Аббат огорченно вздохнул и, разведя руками, покаянно произнес:

– Ну что ж, брат мой, в таком случае мы вынуждены отказаться от предложения его преосвященства воспользоваться вашей любезностью и вернуться обратно на Новый Ватикан.

Во взгляде аббата Самуила появилось недоумение. Брат Томил тоже не совсем понял ход мыслей своего попутчика, однако с непроницаемым лицом склонил голову в согласном поклоне. Между тем тот продолжил:

– К сожалению, теперь мы сможем успеть на Келенью только на коммерческом курьере,

и это практически исчерпает выделенные на его преосвященством средства. – Тут он сделал паузу и, повернувшись в сторону брата Томила, закончил: – Так что после прибытия на Келенью я попрошу вас связаться с кардиналом Макгуином и объяснить наши затруднения. Думаю, он не откажется помочь нам в решении столь неожиданных финансовых проблем.

Аббат Самуил оторопело вытаращился на копта. И те несколько мгновений, пока его лицо сохраняло подобное выражение, показались брату Томилу лучшей наградой за все унижения, которые ему пришлось вынести со стороны аббата Самуила. Продолжение оказалось ничуть не хуже. Аббат Самуил побагровел, бросил бешеный взгляд на стоящего рядом дьякона-лейтенанта, а затем с натугой произнес:

– Ладно, аббат, не надо никаких курьеров. Я доставлю вас на Келенью тогда, когда вам надо.

После чего резко развернулся на каблуках и удалился из шлюзовой камеры.

Полет на Келенью, к удивлению брата Томила, прошел относительно спокойно. Каюты, которые им отвели, назвать офицерскими можно было с очень большой натяжкой. Они располагались в дальнем конце корабля, за десантной палубой и, скорее всего, предназначались для размещения офицеров десантного наряда или, возможно, штатского персонала, обслуживающего двигателя. От них до офицерской кают-компания было семь палуб. Если бы аббат Самуил настоял на их обязательном присутствии на приеме пищи (что он непременно сделал бы, если бы не конфуз при встрече), то им пришлось бы выходить из кают как минимум за полчаса до назначенного времени. Однако теперь капитан был, похоже, совсем не против того, чтобы они принимали пищу в своих каютах. Так что с аббатом Самуилом они встречались только на утренней и вечерней мессе, на которых обязаны были присутствовать все находящиеся на корабле, не занятые на вахте.

На парковочную орбиту вокруг планеты они вышли в понедельник в три часа сорок минут утра по среднекеленийскому времени. Когда брат Томил прибыл в шлюзовую камеру челнока, аббат Ноэль со своим спутником были уже там. Как сообщил вахтенный офицер, обмен формальностями с поверхностью был завершен еще несколько минут назад, и диспетчерская уже предоставила им посадочный коридор.

Монаху не терпелось покинуть борт корабля. Все это время он ожидал от аббата Самуила какой-нибудь ответной пакости. Но тот, казалось, совершенно забыл об их существовании. И на мессах старался вообще не смотреть в ту сторону, где они молились. Это было несколько необычно, поскольку аббат Самуил был известен в военной епархии своей злопамятностью. Рассказывали, что считавшееся высшим грехом самоубийство дьякона-инженера Костакиса, старшего двигателя монашества «Трон Господень», имеет к аббату Самуилу самое прямое отношение. Когда Костакис служил на «Даре Иисуса», они с капитаном не сошлись характерами. И аббат Самуил сначала выжил его с корабля, а затем вообще сжил со свету. Именно поэтому и сам брат Томил старался не реагировать на грубые шутки капитана «Дара Иисуса», предпочитая лучше служить предметом насмешек, чем объектом преследований.

Пока все как будто складывалось удачно, и брат Томил совсем уже решил, что все обошлось. Однако, когда пилот распахнул люк шаттла и дородный спутник копта, кряхтя, пронес свои тела через узкий проем, в шлюзовой внезапно появился капитан. Он остановился на пороге, окинул всех холодным взглядом, кивнул прооравшему команду вахтенному офицеру, а затем подошел вплотную к аббату Ноэлю. Смерив его взглядом, он

скривил губы в псевдолюбезной усмешечке, совершенно не стараясь скрыть затаенную злобу, и произнес:

– Ну что ж, брат мой, счастливого пути и, надеюсь, вскоре наши пути пересекутся. Я не люблю оставлять за собой неоплаченных долгов, а вам я несколько задолжал.

От того, каким тоном это было сказано, брат Томил почувствовал холодок между лопатками. Похоже, его самые мрачные предположения только что подтвердились. Аббат Ноэль заполучил себе врага, причем врага деятельного, могущественного и упорного. Но копт только улыбнулся и произнес со своей обычной кротостью в голосе:

– Спасибо за добрые пожелания, брат мой. Я с удовольствием встречу с вами вновь. – Тут он сделал паузу, а затем, опровергая всяческие подозрения в собственном слабоумии, каковые могли возникнуть у менее проницательных, чем брат Томил, свидетелей этого разговора, закончил: – И да благословит вас Господь смирением и верой, ибо кому, как не нам с вами, следует помнить, что все, что мы хотим сотворить, свершается лишь милостью Божией, а не нашими усилиями. А потому результат часто бывает отличен от того, чего нам так желалось.

После чего аббат благословением осенил окаменевшего от ярости капитана и гибким движением, выдающим большой опыт, скользнул внутрь шаттла.

– Вот чертов гяур!

Карим в сердцах отшвырнул кусок пластика, прикрывающий лаз под гору мусора, и свирепо выругался. Он наказал этому сыну собаки сидеть здесь и не высовываться, пока он сам сходит в порт и разузнает, что к чему и что говорят по поводу налета на его духан. И вот теперь, когда он вернулся, христианин куда-то исчез. Карим еще раз выругался, на этот раз используя высшие языковые достижения самих христиан, которые в области ругани, пожалуй, все-таки несколько обошли правоверных, а затем сплюнул, спрашивая себя, почему он не воспользуется ситуацией и, предоставив этого сына собаки, из-за которого лишился своего духана, милости Аллаха, не рванет с Эль-Хадра со всей мочи. А в том, что надо как можно быстрее рвать когти, он уже не сомневался. Его самого искало столько народу, что просто оторопь брала.

Во-первых, его искала полиция якобы для того, чтобы взять показания. Но рвение, с которым толпа сарвази, отродясь не доставлявших себе большего труда, чем лениво провести перед лицом трупа полицейским идентификатором, рыскала по самым темным и грязным закоулкам порта, расспрашивая ошарашенных невиданным зрелищем живого и деятельного полицейского обитателей дна, не встречали ли они в последние двое суток хозяина духана «Аль-акра» или его странного посетителя, наталкивало на мысль, что интерес сарвази лежит несколько в другой плоскости, чем обычное полицейское расследование. И, похоже, этот интерес был необычайно силен. А Кариму за то недолгое время, пока он пребывал в статусе уважаемого духанщика, успели рассказать не одну историю о том, как люди, задержанные полицией в качестве свидетелей, затем куда-то исчезали прямо из здания полицейского управления. После чего (ну как-то так случайно совпадало) у старших полицейских начальников внезапно появлялись деньги на хороший дом или богатую яхту.

Во-вторых, один старый нищий, тоже из бывших солдат, которому Карим частенько позволял после закрытия духана подобрать остатки со столов, шепнул ему, что портовые банды также развернули за ним настоящую охоту. Сколько обещали за его голову, он не знал, но, судя по тому, что «Бесеерманы» и «Тюраки» даже прекратили свою вяло текущую войну за контроль над территорией, примыкающей к большим грузовым терминалам, а «Акнамурь» резко сократили число проституток на улицах, мобилизовав сутенеров в розыскные группы, обещанная сумма была ошеломляюще большой. Хотя бы в понимании обитателей припортовых трущоб.

И в-третьих, их, несомненно, искали те, кто устроил налет на духан. Во всяком случае, по припортовому кварталу бродили странные люди, которые щедро платили за информацию. Но после того, как трое портовых оборванцев, попытавшихся немного подзаработать на халяву и скинувших этим типам лабуду по поводу того, что они видели Карима с христианином в заброшенных пакгаузах и даже говорили с ними, были найдены с оторванными головами, с ними не очень-то шли на контакт. Хотя Карим был почти уверен, что тот нищий солдат, который сообщил ему о том, что его разыскивают банды, тут же, не успев Карим скрыться за ближайшим углом, рванул к этим странным личностям. Ну что ж, духанщик не был на него в обиде. Такова жизнь. Может, тому повезет и он не присоединится к трем соискателям легких денег, ныне, увы, безголовым.

Карим еще раз внимательно осмотрел мусорную кучу. Судя по ее более-менее

естественному виду, а также по оставшимся на месте приметным обломкам, с того момента, как духанщик покинул старика, здесь никто посторонний не появлялся. А это означало, что недостойный сын собаки сам отправился искать приключения на свою задницу...

Они устроили это логово вчера вечером, сразу после того, как выбрались из разрушенных тоннелей. Старик порывался удрать подальше, но Карим, у которого был немалый опыт выслеживания бегущих от погони (именно этим обычно заканчивался любой мятеж в султанате, поскольку султан Кухрум взял себе за правило наказывать каждого, кто имел отношение к мятежу, а также всех, кто ходил с мятежниками по одной земле, пил одну воду и дышал одним воздухом), настоял на том, чтобы устроиться прямо здесь же, в полусотне шагов от выхода. Эти люди явно были профессионалами и, несомненно, должны были быстро перекрыть любые пути вероятного отхода. Отсюда следовало, что старикан не успеет отойти и на пару кварталов, как будет схвачен. Так что разумнее будет сначала спрятаться здесь, тем более что среди здешних миазмов бесполезен любой ручной «нюхач», и двинуться дальше лишь по прошествии некоторого времени, тщательно изучив обстановку. К тому же желание рвануть как можно дальше от неприятностей – естественно для человека, и бывший чахванжи надеялся, что их преследователи посчитают такой вариант действий старика наиболее вероятным. Поэтому, не найдя их в течение первых нескольких часов, сочтут необходимым серьезно расширять район поиска. А это значит, что плотность поисковой сети резко упадет.

Но сейчас уже можно было сказать, что он ошибся. Ни о каком падении плотности поисковой сети и речи быть не могло. Скорее стоило удивиться, что они еще не схвачены. Возможно, все дело было в том, что ему удалось на некоторое время направить поиски в другом направлении. Вчера вечером, после того как логовище было готово, Карим разул христианина и проложил запаховый след до ближайшей опоры кольцевого монорельса. Грузовые вагонетки кольцевого монорельса служили в туннелях чем-то вроде аналога общественного транспорта, позволяя относительно быстро и без особых затрат попасть в любую точку туннелей. Районы действующих пакгаузов достаточно хорошо охранялись, но интересы большинства обитателей дна не простирались дальше самих туннелей, а те, чьи интересы требовали присутствия в других местах, всегда имели возможность его себе обеспечить.

Христианина он обнаружил там, где и ожидал. Во втором пакгаузе. Это место было штабом «Бесеерманов». И в том, что этот безмозглый сын собаки попался именно им, была своя логика. Как-никак этот район порта всегда считался их вотчиной. Карим платил им определенную мзду «за охрану». Но с него брали по-божески. Как с новичка и как с бывшего солдата. Банды, как правило, уважали тех, кому удалось выжить в пекле непрерывных войн и мятежей, сотрясавших султанат все время правления султана Кухрума.

Духанщик, еле слышно кряхтя, забрался на карниз, осторожно прошел над входным порталом и перебрался на балку перекрытия. В штабе «Бесеерманов» было бы пусто, если не считать христианина, привязанного к выпотрошенной стойке из-под аппаратуры контроля климатических параметров, и двоих охранников. Один развалился в продавленном кресле и, позевывая и почесываясь, пялился в почти севший экран портативного монитора. А второй развлекался тем, что водил по шее пленника отключенным лезвием виброножа и хохотал как сумасшедший, наблюдая, как тот корчится и выворачивает шею. По-видимому, вся верхушка банды, прихватив внушительные силы поддержки, отправилась торговаться с заказчиками, собираясь вытянуть из них побольше денег. Но, судя по тому, что Карим уже успел услышать

про этих людей, они не очень-то жаловали любителей халявы. Поэтому жадность «Бесеерманов» вполне могла выйти им боком. Судя же по скуке, которая была написана на рожах обоих охранников, основная масса банды отсутствовала слишком долго, что подтверждало его опасения, резко повышая вероятность того, что вместо «Бесеерманов» здесь могут появиться сами преследователи.

Однако сейчас необходимо было воспользоваться моментом. Карим осторожно двинулся вперед, стараясь не задеть и не скинуть вниз ничего из того мусора, которым была усыпана балка. Спустя пару минут он оказался прямо над толстяком, сидящим в кресле. Остановившись, Карим размотал поясной платок и вытащил тонкий и длинный метательный нож. Посетовав про себя, что он уже полгода не брал его в руки (ну да кто мог предположить, что уважаемому духанщику, исправно платящему все местные «налоги», может вновь понадобится столь специфичный навык), старый чахванжи перехватил нож за кончик узкого лезвия, перенес тяжесть тела на левую ногу и с коротким выдохом выбросил правую руку в сторону придурка с виброножом. А затем вознес хвалу Аллаху и рухнул вниз всем своим немаленьким весом...

Это был крайне рискованный поступок. Если бы не тело толстяка, изрядно забрызгавшее его с ног до головы кровью, но неплохо смягчившее удар, и не развалившееся кресло, Карим переломал бы себе обе ноги. Но так он только отбил себе пятки. От удара духанщика отбросило в сторону, и он с хриплым хеканьем рухнул на угол стола, чувствительно приложившись левым боком и поясницей. Бывший чахванжи коротко взвыл, но лелеять свои болячки времени не было. Он торопливо вскочил на ноги и, поскольку тот, на кого он рухнул, больше не представлял опасности (человек, из которого вылилось столько крови, никак не может относиться к числу живых), прихрамывая, бросился к стойке с привязанным стариком, закрывавшей от него второго охранника. Отсутствие практики сказалось. Второй был жив. Он валялся на полу и тихонько подвывал, не решаясь выдернуть нож, торчащий из правой ключицы. Его собственный вибронож лежал рядом, прямо под ногами пленника. Карим подобрал его, включил лезвие и успокоил охранника коротким ударом в межреберье, затем повернулся к христианину и окинул его сумрачным взглядом:

– Вот оставить бы тебя так, бестолковый сын собаки. Я тебе что сказал? Сиди на месте и не высывайся. Куда тебя ифриты понесли?

Тот задержался, стараясь вытолкнуть изо рта кляп. Карим сокрушенно покачал головой и, морщась от разгорающейся боли в ногах, подошел к старику и перерезал путы. Как только руки христианина оказались свободны, он тут же выдернул изо рта кляп и заявил:

– Нам надо немедленно уходить. Они должны вернуться с минуты на минуту.

Карим ернически ослабил (тоже новость!) и, не обращая на него особого внимания, начал раздеваться. Старик удивленно уставился на него. Бывший чахванжи нахмурился:

– Ну чего стоишь, раздевайся.

– 3-зачем? – оторопело произнес тот и опасливо покосился на духанщика. Карим нахмурился. Похоже, этот сын собаки посмел подумать про него что-то непотребное и противное Аллаху. Но если они хотели выжить, эмоции стоило оставить на потом. И он терпеливо объяснил:

– Если мы хотим сохранить свои шкуры, нам надо на время умереть. А здесь лучшее место, где мы можем это сделать.

– Как это? – не понял старик. Карим не стал ему ничего объяснять, а просто откинул крышку ларя, в котором, как он знал, «Бесеерманы» держали «замороженное мясо». Из-под

крышки на него уставились глаза старого нищего, того самого, из бывших солдат. Карим хмыкнул, удовлетворенный тем, что увидел столь быстрое подтверждение своим выводам, а потом повернулся к христианину и окинул его оценивающим взглядом. Похоже, им повезло. Труп практически идеально подходил по комплекции. Карим вытащил его из ларя и, указав на тело, приказал христианину:

– Переодевай его в свою одежду, и побыстрее, – и, чтобы не тратить время на дурацкие вопросы, пояснил: – Сейчас оденем их и устроим хороший пожар, так, чтобы куклы обгорели до неузнаваемости.

– И вы думаете, бандиты в это поверят?

Духанщик пожал плечами:

– Даже если и нет, им лучше будет убедить тех людей, которые охотятся за нами, что это так. Это слишком серьезные люди, и если после заключения договора «Бесеерманы» не смогут передать нас им или предоставить удобоваримых объяснений того, почему мы отсутствуем, то вполне могут поплатиться за это головой. – Карим повернулся и начал копаться в ларе, разыскивая кого-нибудь, подходящего под его собственные параметры. На лице у старика нарисовалось понимание, и он тоже начал раздеваться, делая это с невероятным для него проворством. Но, уже сняв рубашку, внезапно замер:

– Это бесполезно, у *них* обязательно должен быть геноанализатор.

Карим, уже почти одевший свою куклу, оторвался от своего занятия и недоуменно уставился на старика. Тот пояснил:

– Это такой прибор, способный, кроме всего прочего, точно определить, кому принадлежат останки. У них есть формула моей ДНК. И когда они возьмут образец ткани якобы моего обгоревшего трупа и проведут анализ, то тут же узнают, что это не я.

Карим задумался. Это меняло дело. Тогда и его смерть уже не будет выглядеть достаточно достоверно. Он бросил на христианина испытующий взгляд: а может, сломать ему шею и оставить здесь? Тогда в его собственной смерти уже вряд ли кто усомнится. Но эта абсолютно здравая мысль отчего-то вызвала в его закаленной душе непонятное отвращение. Он вздохнул и спросил:

– А сколько времени им нужно, чтобы узнать, ты это или не ты?

Старик пожал плечами:

– Не знаю. Все зависит от того, где у них геноанализатор. Если на поверхности, то часа три-четыре, а если на корабле, то около суток.

Бывший чахванжи потер подбородок, а затем снова вернулся к своему занятию.

– Все равно мы будем в выигрыше. Потрадили пять минут, а отыграем в самом худшем случае три часа. Давай одевай.

Старик кивнул и снова начал снимать одежду, но вдруг остановился и несколько мгновений рассматривал духанщика таким задумчивым взглядом, каким, наверное, и смотрят христиане, когда хотят устроить очередную пакость правоверным, а затем перевел взгляд на удобный комбинезон, отложенный Каримом, чтобы переодеться.

– Знаете, уважаемый, мне кажется, нам следует замаскироваться получше. – Он покосился на ту одежду, что Карим отобрал для него. А что еще могло бы подойти этому задохлику, кроме лохмотьев того нищего? И закончил вкрадчивым голосом: – У меня вот какая идея...

Духанщик знал, что поступает не просто неразумно, а как настоящий безумец. Когда суюнчи говорил о христианах, то горячее всего он предостерегал только от одного: «Никогда

не слушайте христиан! Не позволяйте им даже открыть рот. Ибо стоит им это позволить, эти сыны шайтана сумеют убедить правоверных в чем угодно, даже в том, что истинного пророка зовут не Магомед, а Иблис!» Но чахванжи все же разжал зубы и нехотя бросил:

– Ну чего еще?

Глаза христианина алчно сверкнули, так, наверное, сверкают глаза Сына лжи, когда он получает шанс отвлечь от Аллаха еще одну заблудшую душу, и он тут же раскрыл свой поганый рот...

Когда спустя пятнадцать минут вереница пожарных и полицейских машин, завывая сиренами, пролетела мимо пожилой пары оборванцев, состоящей из толстой, обрюзгшей да еще заметно прихрамывающей пожилой женщины, непрерывно бормочущей что-то себе под нос, и худого, изможденного старика, прикрывавшего остатками драной чалмы свой гладко выбритый череп, никто из сидящих внутри машин пожарных и сарвази не мог даже себе представить, что те, кого так усердно ищут уже почти сутки, находятся от них на расстоянии вытянутой руки. Старик остановился и проводил промчавшуюся кавалькаду насмешливым взглядом, но потом посерьезнел, повернулся к «сопутчице» и произнес:

– И все-таки они скоро поймут, что это не мы.

От слов, все это время срывающихся с уст пожилой «женщины», давно завяли бы не только розы в саду султана, но даже придорожный бурьян. Но после этой фразы поток ругательств на мгновение прервался и бывший чахванжи свирепо прорычал:

– Давай, двигай ногами, – и, ощутив рукой верхнюю губу, несколько минут назад лишившуюся роскошных усов, вновь горестно застонал: – И как я мог согласиться на это? Как мог пойти на такой позор? Как, клянусь грудями нечестивой Имрейн, матери царя ифритов...

У них было всего три часа для того, чтобы оказаться как можно дальше от этого места.

Брат Томил стоял у огромного иллюминатора и смотрел на гигантский парк, раскинувшийся у подножия здания-иглы Университета имени Тоолса, являющегося самым крупным учебным заведением Эттельбрюкской конфедерации. Буйство зелени внизу создавало впечатление девственного леса, и всякий, кто не знал о том, что до заселения землянами Ноорм был каменистой пустыней с мелкими и очень солеными морями, все аборигенное население которого было представлено сотней видов простейших, мог бы подумать, что университет построен в реликтовой чаще. Но монах не принадлежал к категории этих «всяких». К тому же сейчас его занимали совершенно другие мысли. Он... злился.

В первую очередь из-за того, что сразу после начала переговоров с ректором университета, действительным членом Большой Эттельбрюкской академии и еще доброй полусотни других доктором Йормой Григом, его вежливо, но решительно выдворили из кабинета ректора. Правда, это выдворение было замаскировано под просьбу освятить своим присутствием церемонию посвящения в студенты первокурсников одного из факультетов. Но брат Томил ничуть не обманывался. Его действительно выдворили. Это было тем более досадно, что, судя по тому, как сердечно ректор и аббат Ноэль обменялись приветствиями, они раньше уже встречались. А вероятнее всего, не только встречались, но и знали друг друга довольно хорошо. И это при том, что, как следовало из досье аббата, которое монах все это время не переставал пополнять любыми доступными ему способами, тот не только никогда не появлялся на Ноорме, но даже не пересекал границ Эттельбрюкской конфедерации. А доктор Григ за последние двадцать лет ни разу не покидал Ноорм. В то же время некоторые скрытые знаки, которые брат Томил уловил своим опытным взглядом, указывали на то, что это знакомство не столько давнее, сколько близкое и деятельное. Причем у монаха даже зародилась мысль, что вся эта поездка по университетам затеяна только с одной целью – замаскировать нынешнюю встречу в череде себе подобных. Впрочем, чуть позже он пришел к выводу, что мелькнувшая мысль была из разряда бредовых. Если у аббата было желание оставлять в тени факт своего близкого знакомства с академиком, ему бы ничего не стоило сделать это и без столь утомительного путешествия. Например, так, как он проделывал это до сих пор. К тому же в этом случае он вряд ли позволил бы монаху увидеть все те знаки очередной встречи двух старых друзей, которые были ему продемонстрированы. После трех недель путешествия с аббатом брат Томил был в этом абсолютно уверен.

Следующие несколько дней прошли очень интенсивно. Брат Томил побывал на крупнейшем руднике эломия в кольцах Терроны, пятой планеты этой системы, затем совместно с Хуго Торвальдсенем, великим спортсменом и восьмикратным олимпийским чемпионом по астроакробатике, вручал ежегодные премии и дипломы лучшим спортсменам системы, а потом последовала целая череда подобных поручений. Конец недели ознаменовался благотворительным обедом по случаю окончания Большой ежегодной выставки цветов, а вечером брат Томил торжественно разрезал ленточку на ступенях нового здания столичной оперы, после чего два с половиной часа удерживал благосклонно-благообразное выражение лица, слушая из ложи почетных гостей очередную авангардистскую версию невообразимо древней «Аиды», которой большинство оперных директоров предпочитают открывать сезоны во всех вновь отстроенных зданиях оперных

театров. Это происходило со столь впечатляющей регулярностью, что монах склонен был расценивать подобное постоянство как суеверие. Люди творчества вообще любят пестовать различные суеверия. Но сейчас этот вопрос занимал монаха больше как средство справиться с приступами бешенства. Поскольку ничего другого ему не оставалось. Он не сомневался, что весь этот спектакль с почетными поручениями, обставленный таким образом, что из него невозможно было вырваться, разыгран аббатом, который сделал выводы из его демарша на Келенье, и теперь у брата Томила не было никакой возможности заниматься тем, ради чего его послали.

Переговоры на Келенье прошли успешно. Зная взаимоотношения в среде келенийских ученых, монах был готов как минимум к одному крупному публичному скандалу. Но, к его удивлению, все прошло на редкость благополучно и даже чинно. Присутствие на переговорах министра научных исследований (стандартный повод для скандала в любой научной тусовке) спровоцировало лишь вяло текущую перебранку по поводу несправедливого распределения кредитов и грантов. Впрочем, она довольно быстро сошла на нет. И все остальное время собеседники демонстрировали редкое единодушие. Это настолько не соответствовало ожиданиям брата Томила, что он не удержался и, рискуя уже не столько своей репутацией, сколько репутацией Престола Святого Петра (ибо, как гласит пословица, «Все ведомо лишь Богу на небесах да Папе на земле»), пустился в осторожные расспросы. Все выяснилось в первые же пять минут. Один из ведущих профессоров столичного университета, мужчина пожилого возраста и весьма благообразной внешности, которую портили лишь заметные мешки под глазами да крупный мясистый нос, цветом и формой намекавший на некий порок, заметив удивление монаха подобным развитием событий, развел руками и заявил:

– А чего вы еще хотели? Мистер Корн дал понять, что лично заинтересован в успехе экспедиции.

– Мистер Корн?!

Профессор, которому уже изрядно обрыдла постная сдержанность нынешнего собрания, окинул монаха таким снисходительным взглядом, как будто подобное незнание с головой выдавало его умственную неполноценность, и нехотя пояснил:

– Пожертвования мистера Корна составляют добрую половину фондов всех местных университетов.

Монах медленно кивнул. Это все объясняло. Но где и когда аббат успел заручиться столь влиятельной поддержкой? Впрочем, это могло произойти еще до начала путешествия.

– А кто такой мистер Корн?

Профессор изобразил на лице гримасу, которую с одинаковым успехом можно было посчитать досадой, раздражением и недоумением.

– А черт его знает. Говорят, он не особо любит показывать себя публике. Его пожертвования поступают через какой-то Нью-Вашингтонский банк, – профессор хмыкнул, – оно и к лучшему. А то мы уже устали от людей, которые, внеся пару кредитов, потом мозолят всем глаза с экранов, громко именуя себя Попечителями университета.

Монах тут же сделал стойку. После сытного обеда, состоявшегося в банкетном зале ресторана академии, брат Томир, сославшись на легкое недомогание, отказался от традиционной для всех высокопоставленных гостей Келеньи экскурсии в Народный парк, разбитый на том месте, где двести лет назад Лул Каярга, титан мысли, отец народной демократии и непримиримый борец за национальную независимость, впервые зачитал народу Келеньи принятую парламентом Декларацию о Национальном суверенитете.

Укрывшись в номере, брат Томил запустил компьютер, а также сделал запрос в Священную канцелярию, воспользовавшись личным кодом особой срочности.

За пару часов поисковый робот выдал ему о мистере Корне столько информации, что пришлось слегка видоизменить программу, чтобы суметь за относительно короткое время превратить этот ворох сведений во что-то более-менее систематизированное. Но полученная информация практически ничего не прояснила. То, что мистер Корн был очень влиятельной фигурой, брат Томил понял сразу (хотя он и не предполагал, что тот окажется настолько влиятельным), но во всем этом водопаде информации не удалось отыскать даже намека на то, в чем столь влиятельный человек, как мистер Корн, видел свой интерес от планируемой экспедиции, и хотя бы на то, каким образом провинциальный аббат сумел добраться до такого человека.

Распечатка, пришедшая из Священной канцелярии и занявшая почти сорок страниц убористого текста, также не прояснила ситуацию. К его немалому удивлению, она оказалась почти точной копией итога работы поискового робота, но отчего-то не содержала таких элементарных сведений, как дата и место рождения, генеалогическая карта или идентификационный генетический код. Этот факт навевал определенные мысли. Если в архивах Престола Святого Петра отсутствуют самые элементарные сведения о человеке, который уже обращал на себя внимание Наместника Господня и его старательных слуг (а в этом сомневаться не приходилось, ибо в противном случае досье просто отсутствовало бы в архивах), значит, влияние мистера Корна простиралось до самого подножия Святого престола. А это могло означать, что именно заинтересованность мистера Корна и послужила причиной затруднений кардинала. Впрочем, пока все это были только предположения, хотя и очень похожие на правду.

Вечером, на торжественном приеме в парадном зале Академии наук Келеньи, устроенном по случаю их прибытия (хотя брат Томил подозревал, что дело не столько в этом, просто министр научных исследований воспользовался удачным поводом продемонстрировать общественности свое собственное умение держать в руках сварливую толпу келенийских ученых), монах подошел к аббату. Тот вежливо выслушивал великие мысли очередного ученого мужа, которому наконец-то посчастливилось наткнуться на человека, способного хотя бы пять минут слушать собеседника, не раскрывая рта (подвиг для коренного келенийца абсолютно невозможный). Заметив приближающегося брата Томила, аббат Ноэль парой фраз изящно закруглил разговор и, оставив собеседника, двинулся навстречу.

– Вы чем-то озабочены, друг мой?

– Озабочен? – Брат Томил растянул губы в тонкой улыбке. – Отнюдь, скорее удивлен. – Улыбка монаха стала двусмысленной. После некоторого размышления брат Томил решил рискнуть и попробовать действовать напрямую, в лоб. Даже если он и не получит ответа, то реакция на прямой вопрос может многое рассказать внимательному взгляду.

– И чем же?

– Той сноровкой в обращении с людьми, которую вы продемонстрировали. – Он сделал короткую паузу, намекая, что имеет в виду не только переговоры, которые аббат провел на Келенье, но и, скажем так, некоторые другие моменты, ставшие ему известными.

В уголках губ аббата проскользнула едва заметная улыбка, которую можно было расценить и как легкую насмешку, и, разведя руки в смущенном жесте, за которым брат Томил явственно разглядел легкую иронию, он произнес:

– Вы знаете, провинциальные аббатства имеют довольно скудный доход, и таким, как я, приходится изворачиваться, чтобы выбить у сильных мира сего столь необходимое для подобных бедных обитателей агнцев господних вспомоществование. Тут поневоле приобретаешь необходимую шноровку.

Брат Томил снова натянуто улыбнулся:

– Но не всякий провинциальный аббат имеет таких знакомых, как мистер Корн.

Глаза аббата на мгновение вспыхнули, но эта вспышка была столь кратковременной, что монаху даже почудилось, будто это только плод его воображения. Однако последовавшие затем слова расставили все на свои места:

– У каждого из нас есть свои маленькие тайны. И я не особо расположен говорить о своих.

Аббат отошел, одарив монаха своей обычной кроткой улыбкой. Брат Томил незаметно повел плечами, справляясь со спазмом в горле, возникшим во время отповеди аббата, и перевел дух. Попытка оказалась не слишком удачной. Ему ясно дали понять, что не стоит совать нос не в свое дело. Пожалуй, ему не надо было рассчитывать, что аббат поддастся на открытое давление, но брат Томил всегда предпочитал сожалеть о содеянном, а не о том, что мог бы сделать, но даже не попробовал.

Представительские обязанности монаха начинались с раннего утра, когда за ним присылали роскошный круизер, в салоне которого был сервирован завтрак, а заканчивались поздним вечером, когда у брата Томила сил оставалось только на то, чтобы принять легкий массаж и добраться до кровати. Причем зачастую он с утра даже не знал, что ему предстоит в течение дня. Сразу по приезде к нему прикрепили сопровождающего – дюжего парня из местного католического колледжа. Сначала монах предположил, что основным критерием, которым руководствовались при выборе его, так сказать, статс-секретаря, была физическая сила. В случае чего он должен был заставить сопровождаемое лицо проследовать указанным курсом. И действительно, мощные мышцы, обтянутые неновой, но аккуратно выстиранной рясой, внушали уважение. Но, как выяснилось, он сильно недооценил тягу аббата к изящным решениям. Поскольку гораздо опаснее оказалась не физическая сила молодого служки, а его самоотверженное рвение. Парень был страшно горд поручением и выполнял его с истовостью новообращенного язычника, буквально со всех ног бросаясь исполнять любое пожелание столь высокопоставленного гостя, а при малейших признаках недовольства жутко краснел и покрывался пятнами. Но любой намек на то, что гость предпочел бы каким-то образом отклониться от утвержденной программы, ввергал его в черные бездны отчаяния. И это отчаяние было столь непосредственным и глубоким, что после пары попыток вырваться из череды посещений и награждений, судя по реакции сопровождающего, зародивших у него мысли о самоубийстве, брат Томил полностью покорился судьбе.

Темп слегка спал только в воскресенье. С утра монах под аплодисменты творческой элиты совместно с мэром столицы перерезал очередную ленточку (что они там открывали, он так и не понял, то ли Центр традиционной культуры какой-то экзотической земной народности, пару сотен представителей которой чудом занесло на Ноорм, то ли, наоборот, выставку авангардного искусства), затем прослушал очередной концерт, после чего привычно проследовал в круизер, где обреченно уточнил у сопровождающего:

– Что у нас еще на сегодня?

Ответ его слегка ошаршил.

– Прошу простить, святой отец, но мы немного задержались на концерте в Центре

нетрадиционного искусства, поэтому церемония награждения премией Клоотса начали без нас. А вечерний концерт Плио Делигьери отменен из-за недомогания маэстро. – Сопровождающий помялся, виновато развел руками и смущенно спросил: – Прикажете доставить вас в ваши апартаменты?

Монах молча кивнул, опасаясь неосторожным звуком спугнуть свалившуюся на него удачу. И только перед самым гостевым центром академии рискнул поинтересоваться:

– Значит, на сегодня все?

Сопровождающий густо покраснел и кивнул. Он испытывал дикую неловкость от того, что столь высокопоставленный гость оказался вроде как не у дел. Парень даже не подозревал, что у его визави подобное развитие событий вызывает едва скрываемый восторг.

Вечером монах сумел наконец застать аббата в отведенных ему апартаментах. Когда брат Томил появился в кабинете, тот сидел перед компьютером и изучал какие-то графики. Но, завидя монаха, аббат отключил мониторную проекцию и, поднявшись с кресла, двинулся навстречу своему спутнику:

– Добрый вечер, друг мой, рад, что вы сумели выбрать время и заглянуть ко мне.

Если даже в тоне или взгляде аббата и была ирония, монаху не удалось найти никаких ее признаков. Поэтому брат Томил просто проглотил эту фразу и, в свою очередь изобразив на лице приторно-кроткую улыбку, ответил самым сердечным голосом:

– Да, наши гостеприимные хозяева оказались настолько воодушевлены присутствием представителей Святого престола, что все эти дни я ничем не мог помочь вам в ваших трудах.

Аббат уважительно склонил голову:

– О, не корите себя, друг мой. Вы оказали огромную помощь, освободив меня от груза представительских обязанностей, так что ваш вклад в наши успехи просто неоценим.

Исходя из реального положения дел, заявление было на редкость колким. Но монах благосклонно кивнул, сделав вид, что оценил, польщен, благодарен, ничуть не обманываясь насчет того, что его ужимки примут за чистую монету. Расчет изначально был на другое. Брат Томил изо всех сил старался показать аббату, что понял, сделал выводы и впредь собирается вести себя умнее. По-видимому, этот посыл дошел по назначению, поскольку аббат все с той же кроткой улыбкой повернулся в сторону гостиной и, указав на удобные кресла, предложил:

– Прошу вас, друг мой. Пожалуй, нам стоит обсудить наши дальнейшие планы.

Это было очень похоже на прощение, и дальнейшая беседа укрепила брата Томила в этом выводе. Более того, у монаха сложилось впечатление, что аббат даже испытывает некоторую неловкость. Ближе к полуночи, когда были обсуждены почти полтора десятка кандидатур, предложенных научными сообществами Келеньи и Эттельбрюкской конфедерации, брат Томил настолько расхрабрился, что решил рискнуть и попытаться прощупать, в чем состоит основная цель планируемой экспедиции. На всякий случай приготовил фразу, которая, как он надеялся, позволит тут же дезавуировать его интерес. К счастью, этого не потребовалось. Похоже, аббат был вовсе не прочь поговорить на эту тему.

– Как вы думаете, сын мой, чем закончится эта война?

Брат Томил, которого слегка покорило формально абсолютно оправданное обращение «сын мой» (несмотря на разницу в санах, монах являлся представителем вышестоящей инстанции, к тому же брат Томил считал себя старшим по возрасту), на мгновение задумался, а потом осторожно ответил:

– Я, как, несомненно, и вы, святой отец, денно и нощно молюсь за победу человечества.

И не сомневаюсь, что Господь услышит наши молитвы.

Глаза аббата чуть затуманились, а губы тронула легкая усмешка, как будто брат Томил упомянул о чем-то смешном, но затем он вновь сфокусировал взгляд на собеседнике:

– Конечно, это не вызывает сомнений, ну а что потом?

– Когда? – уточнил монах.

– После победы.

Брат Томил задумался:

– Честно говоря, так далеко я не заглядывал.

Аббат понимающе кивнул:

– И в этом вы не одиноки. В том-то и беда. Ибо, после того как победа человечества станет очевидной, перед ним в полный рост встанет вопрос: а что делать с побежденными? И до какого предела должна дойти эта победа.

– То есть?

Аббат терпеливо пояснил:

– Должны ли противостоящие нам виды разумных существ быть уничтожены поголовно или стоит ограничиться ликвидацией только управляющей верхушки, известной нам под именем «Алых князей»? И насколько разумно полное уничтожение этого вида? Если да, то насколько компетентными окажутся сами люди в роли лидеров поливидовой цивилизации? И стоит ли вообще ее сохранять? Если нет, то каким образом ее следует перестроить? Вопросов столь много, что я не рискну занимать ваше драгоценное время перечислением хотя бы основных направлений.

Монах пребывал в некоторой растерянности. Если бы не этот месяц, он решил бы, что сейчас перед ним сидит неисправимый идеалист. А одно из святых правил, которые установил для себя брат Томил, как только начал что-то соображать в жизни, звучало так: «Держись подальше от идеалистов». Но монах был уверен, что аббат Ноэль стоит на твердой почве. И вдруг такой пассаж.

Между тем аббат продолжал:

– Так вот, начинать искать ответы на эти вопросы нужно именно сейчас. Но для этого мы должны как можно больше узнать о тех, кто нам противостоит.

Монах осторожно кивнул. Судя по всему, аббат несколько расслабился, и брат Томил решил рискнуть еще раз:

– Но, имея столь влиятельных друзей, как мистер Корн и доктор Григ, вы вполне могли бы обойтись и без патронажа Святого престола.

В глазах аббата мелькнула усмешка (отчего у монаха екнуло сердце), но затем его губы сложились в обычную кроткую улыбку, и аббат пояснил:

– Вы правы. Но, как говорят русские, кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Ведь дело не только в том, чтобы найти правильный выход. Абсолютно ясно, что любое решение будет встречено крайне неоднозначно. Поэтому это решение должно быть предложено той силой, которая в глазах большей части людей имеет серьезный моральный авторитет. Причем вне зависимости от национальности и государственной принадлежности. Вы можете предложить другую силу, кроме церкви?

Монах задумался. Он не мог понять, как реагировать на откровения аббата. Что это, его настоящие мысли или дымовая завеса, за которой как раз и скрываются его действительные побуждения? Во всяком случае, вопрос, пусть чисто риторический, заслуживал ответа. К тому же это был самый простой способ продолжить разговор.

– Авторитет Святого престола распространяется хоть и на значительную, но все же только на часть человечества.

Аббат улыбнулся и после короткой паузы (во время которой брату Томилу показалось, что его собеседник разглядел все его мучения) плавно закончил:

– Вы правы, поэтому следующий пункт нашего маршрута – султанат Регул.

Брат Томил вытаращил глаза:

– Но...

– Не беспокойтесь. У меня и там есть кое-какие друзья, и я попросил моего духовника передать им весточку.

По-видимому, под духовником подразумевался тот дюжий монах, что следовал с ними до Келеньи, а потом как в воду канул. Аббат поднялся:

– Давайте завершим нашу беседу, сын мой. Мы оба устали, а завтра рано вставать. – И, заметив удивленный взгляд монаха, недоуменно вскинул брови: – Как... вам еще не сказали? Эттельбрюкская академия выделила нам курьер. На нем мы доберемся до границы султаната, где нас будет ждать другой корабль. Старт завтра, в полдень, но корабль в орбитальном доке, поэтому нам заказаны билеты на шестичасовой челнок, – он бросил взгляд на запястье, – так что у нас осталось всего четыре часа на то, чтобы немного отдохнуть и собраться.

Это оказалось последней каплей. Брат Томил рубанул воздух рукой и... грязно выругался. Насколько он помнил, это произошло первый раз в его долгой и полной событиями жизни.

К вечеру Карим с христианином, преодолев пешком и на подножках грузовых вагонеток почти двадцать миль, оказались на противоположной стороне посадочного поля. Здешний район был намного чище, поскольку именно с этой стороны помещалось большинство действующих пакгаузов.

Эль-Хадр развивался по классическим канонам города-порта. «Чистая» публика никогда не селилась в припортовых городах. «Белые воротнички», клерки средней руки, а также относительно высокооплачиваемые портовые служащие и служащие компаний по обработке и транспортировке грузов заселяли престижные районы, расположенные в пяти – семи километрах от порта. Чуть ближе, от двух до пяти километров, тянулись районы более-менее респектабельных красных фонарей и иных значных мест, предназначенных как для посещения служащими, так и для кратковременного отдыха обеспеченных транзитных пассажиров. Как правило, именно там размещалась первая после порта остановка монорельса. А к самому посадочному полю примыкали все разрастающиеся районы трущоб. Они росли за счет все большего количества брошенных пакгаузов, а также за счет того, что число их обитателей пополняли бродяги, промотавшие деньги. Их путь был давно известен.

Все начиналось с «приличных» заведений района развлечений, потом клиент переключивался в те, что попроще, а оставшиеся крохи спускались уже в самих трущобах. Здесь тоже хватало и игорных комнат, и проституток. Правда, еще никто не слышал о том, что кто-то из игроков, даже и выигравший некую сумму, которая по здешним меркам могла бы считаться крупной, сумел успешно добраться до занимаемой им конуры. А клиентов местных жриц любви частенько находили поутру с перерезанной плоткой. Впрочем, потери были с обеих сторон. Среди клиентов нередко попадались такие, которые, получив честно предоставленную услугу, расплачивались с «девушкой» ударом ножа или, в лучшем случае, парой крепких затрещин. Так что этот бизнес также можно было считать разновидностью азартных игр.

Посадочные квадраты поля, примыкающие к трущобам, использовались чрезвычайно редко. Они были самыми дешевыми, но для грузовых кораблей эта дешевизна съедалась расходами на внутрипортовые перевозки, поскольку, несмотря на то что монорельс охватывал посадочное поле по периметру замкнутым кольцом, никто в здравом уме и твердой памяти не стал бы размещать выносные разгрузочные терминалы в месте, где нет действующих пакгаузов. А у капитанов одиночных транзитников были свои резоны избегать этой дешевой зоны. Среди портовой швали было немало людей, которые раньше служили на кораблях и неплохо знали и корабельные порядки, и маленькие хитрости, позволявшие загулявшему корабельному проскочить внутрь мимо бдительной вахты. Поэтому однажды утром капитан мог обнаружить, что в трюмах его корабля хозяйничают слишком уж здоровые крысы. Вследствие этого вся жизнь порта, как правило, сосредоточивалась на паре-тройке квадратных километров посадочного поля, примыкающих к району действующих пакгаузов. Существовали и совершенно другие порты, такие, как Бахр-эль-араб на Дубае, Колумбиадум на Нью-Вашингтоне или Узловой на Китежграде, где старые пакгаузы сносились в тот же день, как останавливался первый транспортер. Арендная плата в этих портах превышала годовой оборот всего Эль-Хадрского порта. Но таких огромных портов на весь обитаемый космос насчитывалось едва ли два десятка. А все остальные походили друг на друга как

братья-близнецы. Во всяком случае, Карим, за время службы повидавший не одну сотню провинциальных и столичных портов, был в этом абсолютно уверен.

Районы действующих пакгаузов имели охрану. Но духанщик был уверен, что это не доставит особых проблем. Он еще не встречал ворот, которые не смог бы открыть ключ в виде разрисованной бумажки с портретом султана на лицевой стороне. Весь вопрос был в том, какие цифры будут нарисованы рядом со светлым ликом благословенного. Поскольку этих бумажек с ликом султана у них с христианином осталось не очень много. Вернее, осталось у христианина. Карим покинул свой духан в том виде, в котором стоял за стойкой. Конечно, у него имелся некоторый неприкосновенный запас, который был зашит в полу его старого халата. Но бывший чахванжи выбросил из головы все воспоминания об этом факте, справедливо рассудив, что раз уж христианин ввергнул его во все эти неприятности, то пусть и расплачивается. Тем более что именно ради пояса, в котором находились его сбережения, христианин и покинул убежище в мусорной куче, тем самым серьезно усугубив их неприятности. Старик, правда, пытался пустить пыль в глаза, толкая что-то о древнем кристалле, упрятанном в потайной карман пояса и содержащем бесценные научные данные, но бывший чахванжи отмахнулся от этих соплей. Нашел осла верить в подобные сказки.

Все оказалось сложнее, чем ему представлялось. Два часа переговоров с охранником, время от времени прерываемые проезжающими через ворота грузовыми транспортерами, результатов не дали. То ли духанщика угораздило нарваться на слишком принципиального служаку, то ли сочувствие охранника выражалось существенно более солидной суммой, но проникать внутрь охраняемой территории им пришлось по опорам монорельса. Это был чрезвычайно рискованный трюк, но оставаться по эту сторону забора было еще более рискованно. Хотя их попытка едва не закончилась трагедией. За мгновение до того, как они, обдирая ладони и пузо, соскользнули вниз по опоре монорельса, над их головами прогрохотала вереница транспортных контейнеров. Во всяком случае, духанщик даже не оборвал старика, принявшегося громко молиться своему собачьему богу.

Когда в ушах наконец утих гул от пронесшейся плети контейнеров, а руки перестали трястись, бывший чахванжи поднялся на ноги и, пихнув христианина в плечо, принялся спускаться вниз по узкому трапу обслуживания. Не приведи аллах, появится патруль, тогда они быстро окажутся по ту сторону забора. А Карим сильно сомневался, что у него хватит духу еще раз повторить пройденный путь. Не говоря уж о старике.

Около полуночи они добрались до района развлечений, и Карим, оставив старика в дешевом кафе (в котором, однако, порция лагмана стоила столько, сколько Карим брал за суточный постой со столом и душем), отправился к своему старому приятелю, не рискнувшему, подобно Кариму, вложить деньги в какое-нибудь дело, а устроившемуся на непыльную работенку вышибалы в местный бар средней руки. Перед уходом он заказал старику бараньей требухи с тыквой и сунул ему в нос свой внушительный кулак, пообещав оторвать голову, если тот опять выкинет какое-нибудь коленце.

На их счастье, приятель Карима оказался на месте. Они распили по кружечке кислого пива, вспомнили старые добрые времена, после чего в карман Карима переключевали ключи от каморки приятеля, великодушно согласившегося на пару дней уступить свою берлогу старому дружку. Правда, взамен в кармане приятеля захрустело несколько купюр, а бывший чахванжи был даже несколько удивлен, что им удалось отделаться весьма незначительной суммой. Но на долгое удивление сил уже не хватило. После бессонных суток, наполненных столь драматическими событиями, пара кружек дешевого пива сработала будто стакан

чистого спирта (в общем-то, пить подобное для правоверного – грех, тем более тяжкий, что Аллах запретил даже вино, но иногда это оказывается единственный способ, чтобы окончательно не слететь с катушек).

Всю обратную дорогу до кафе его так и подмывало прилечь на такой удобной, ровной мостовой и закрыть усталые, будто натертые песком веки. Но где-то в подсознании ворочалась мысль, что ему надо отыскать проклятого христианина. И с какой это стати столь уважаемый ветеран вдруг озаботился каким-то христианином? Кому среди правоверных вообще есть дело до этих неверных? Но мысль-червячок все не отставала, а, напротив, гнала его вперед.

Когда они со стариком ввалились в тесную, пропитавшуюся запахами немывтого тела и прокисшей пищи комнатуху, при взгляде на которую сразу становилось ясно, почему ее хозяин столь охотно уступил свое законное место регистрации (любой из обслуживающего персонала района развлечений обязан был иметь «место постоянного проживания»), духанщик вдруг почувствовал, что у него подгибаются ноги. Он оперся на косяк, не желая продемонстрировать слабость перед возникшим рядом с ним христианином, но этот сын собаки сразу просек, в чем дело. Он ужом протиснулся ему под руку и, вытаращив свои рачьи глаза, заблеял погано-участливым тоном:

– Обопритесь на меня, уважаемый...

Карим взъярился и даже сумел оторваться от косяка (вот еще, не нужна ему никакая помощь!), но тут его качнуло вперед, да так, что старикашка не только не смог остановить его движение, но и сам едва не повалился, увлекаемый инерцией дородного трехсотфунтового тела. Однако он удержался и, напрягая все свои слабые силенки, ухитрился смягчить падение грузного спутника. Узкая откидная кровать, которую хозяин каморки, уходя, так и не удосужился заправить, находилась всего в одном шаге от входной двери. И потому старик, поднатужившись, со сноровкой опытного санитаря наподдал духанщику бедром, и тот грохнулся на это убогое лежбище, приложившись лбом к телескопической растяжке, отчего в комнате раздался гул, будто кто-то ударил в массивный бронзовый колокол. Старик улыбнулся возникшей ассоциации и, вывернувшись из-под руки духанщика, внезапно ставшей такой тяжелой, опустился на край откидного табурета, обессиленно уронив руки на колени. Похоже, их невероятный, невозможный побег все-таки удался. Старик прикрыл глаза.

Спать он не мог. Вот уже двадцать лет с того момента, когда «скорпионы» Врага опустили на затянутые смрадным дымом развалины университета, профессор Локид потерял сон. Жизнь превратилась в сплошной и непрерывный кошмар. Но если днем он еще мог как-то контролировать свой измученный мозг, то ночью, стоило лишь закрыть глаза, как зловещий кошмар наваливался на него. Поэтому профессор перестал спать. Он разработал уникальный коктейль из витаминов, транквилизаторов и еще чертовой тучи компонентов, позволяющий оставаться на ногах двое суток подряд. А затем он накачивался наркотиками и подключался к портативной системе очистки крови. За два часа аппарат очищал кровь от наркотика, продуктов распада клеток и молочной кислоты, и профессор вставал с ложа свеженький как огурчик. Он понимал, что это только иллюзия. Психика нормального человека не может столь долго обходиться без здорового сна. Да и нагрузка на клетки слишком велика.

Из отпущенного ему природой и модифицированными генами срока в две сотни земных лет он едва ли протянет половину, да и то учитывая, что к моменту захвата Симарона ему

исполнилось почти пятьдесят. Но он давно уже не имел никакого отношения к нормальным людям. Так что все это его не волновало. Почти. Потому что в последние десять минут этого псевдосна, когда концентрация наркотика в клетках мозга падала до незначительной величины, кошмары вновь наваливались на его незащитный мозг. И профессор просыпался с диким криком, захлебываясь выступившей на губах пеной. Это привязывало его к своим мучителям сильнее, чем что-либо другое. Поэтому, несмотря на то что за сорок лет, проведенных им среди Врага, у него не раз появлялась возможность совершить побег, он ни разу не пытался это сделать. И только когда он воочию увидел детей...

На следующий день духанщик проснулся только к полудню. Он вынырнул из сна, будто ныряльщик из мутного омута. Мгновение Карим лежал, прислушиваясь, поскольку сразу ощутил, что лежит не на своем любимом диване. Но вот как он сюда попал, пока оставалось для него секретом. Он инстинктивно чувствовал, что вчера у него был очень тяжелый день, но что же действительно произошло, скрылось в глубинах черепа, который заполняла тупая головная боль. Пора было открывать глаза. Судя по всему, рядом с его ложем (крайне неудобным, однако) никого не было. Во всяком случае, духанщик не уловил постороннего дыхания, в то время как обертоны его собственного заполняли все помещение.

Комната действительно оказалась очень маленькой. Так называемое социальное жилье. Два шага в ширину и три с половиной в длину. Вся мебель откидная – стол, койка и табурет. Даже в трущобах человек имеет больше жизненного пространства. Он обвел комнату настороженным взглядом и, морщась от головной боли, рывком сел на кровати, едва не задев коленом толстую пластину откидного табурета. Вот чертова конура! Карим оглянулся в поисках раковины или хотя бы таза с кувшином, но не обнаружил в комнате даже полотенца. Возможно, умывальные принадлежности скрывались за узкой дверцей встроенного шкафа, но сегодня духанщик не был предрасположен к копанию в чужом грязном белье. Он облизал губы и яростно потер рукой лицо. Вот шайтан, как его развезло с пары кружек. И куда это подевался христианин? Не успела последняя мысль вспыхнуть у него в мозгу, как Карим вспомнил все...

Христианин появился спустя полчаса, когда духанщик уже готов был наплевать на собрата по бедам и сделать ноги самостоятельно. В конце концов, если христианин не ошибся, то с того момента, как их преследователям станет ясно, что в огне пожара сгорели не они, прошли уже почти сутки. Для тех, кто сумел отыскать человека на другом конце обитаемой Вселенной, времени, чтобы установить его нахождение в масштабах одного города, вполне достаточно. Карим несколько секунд рассматривал возникшую на пороге фигуру, а затем не выдержал и захохотал. Христианин, то ли в целях маскировки, то ли еще по какой-то непонятной причине, облачился в паранджу и женские шаровары, которые духанщик надел, когда они удирали из логова «Бесеерманов». Но Карим подбирал одежду по себе. Поэтому сейчас перед ним стояло нечто в парандже, полы которой волочились на два шага сзади, и теоретически имело шанс содрать с управляющего ночлежкой некую мзду за уборку. Поскольку спущенные штанины шаровар и паранджа при движении подметали грязь в полосе шириной не менее полутора метров.

– Ну ты даешь, христианин!

Тот выпутался из тяжелого полога и, окинув сердитым взглядом духанщика, сварливо пробормотал:

– Вчера ты не был столь привередлив.

Карим отер выступившую слезу и, махнув рукой, постарался успокоиться. Это удалось

не сразу, но гораздо быстрее, чем он ожидал. Причиной этому были странные манипуляции старика. Оказалось, что в таком уморительном наряде все-таки есть некоторый смысл. Во всяком случае, того, что он напихал в карманы и обмотал вокруг тела, при первом взгляде на эту нелепую фигуру было совершенно незаметно (при втором, впрочем, тоже). Духанщик несколько мгновений смотрел на манипуляции христианина, а затем перехватил его за руку:

– Эй-эй, я не знаю, что ты задумал, но нам надо как можно быстрее убираться отсюда.

Старик выкрутил руку и, полоснув Карима раздраженным взглядом, произнес наставительным тоном, таким, каким объясняют ребенку, почему ему нельзя съесть конфетку именно сейчас:

– Я должен провести некоторые процедуры. Это займет около двух часов. Если я этого не сделаю – то через пять-шесть часов впаду в кому, и тебе придется волочь меня на себе.

Бывший чахванжи, уже собиравшийся вlepить христианину пару затрещин и пинком выкинуть в коридор, чтобы быстро и без помех собрать вещички и последовать за ним, опустил руку. Христианин молча привязал веревки к спинкам откидной койки и улегся на нее.

– Ты должен мне помочь.

Эта просьба выглядела достаточно подозрительной, тем более что она исходила от христианина, но у духанщика не было другого выхода.

– Что я должен сделать?

– Сейчас я закончу приготовления, и после этого ты как следует привяжешь меня к койке. Когда ты закончишь и проверишь все узлы, нажми голубую клавишу на этом приборе и запомни хорошенько: что бы со мной ни происходило, не смей отключать прибор. Ты понял? **ЧТО БЫ СО МНОЙ НИ ПРОИСХОДИЛО!**

Под напряженным взглядом христианина Карим медленно кивнул. Старик несколько мгновений буравил его глазами, а затем вернулся к своему странному занятию. Установив прибор, он привычным жестом вогнал в рот кляп-затычку, закрепив его полосой ткани, концы которой завязал на затылке, и быстро, но аккуратно вогнал в обе руки две толстые иглы. После чего требовательно посмотрел на духанщика.

Несмотря на все опасения, эти два часа прошли гораздо спокойнее, чем Карим ожидал. И только в самом конце, когда шкала прибора изменила свой первоначальный красный цвет на ярко-голубой, старик вдруг заворочался, замычал и забился на кровати. Да так, что дрянные веревки, которыми духанщик привязал его к кровати, начали ощутимо трещать, и Кариму пришлось навалиться на старика и удерживать его всем своим весом.

Когда они уже шли по заполненной народом улице, Карим все время косился на шедшую рядом тщедушную фигурку. Он не знал, какие демоны терзали душу этого человека, но они явно были очень страшными.

Посадка на Порту оказалась, мягко говоря, довольно увлекательным зрелищем. Объектов постоянной орбиты вокруг столицы султаната было, как и ожидал брат Томил, гораздо меньше, чем вокруг, скажем, Нью-Вашингтона, но зато околопланетное пространство оказалось прямо-таки запружено мелкими каботажными судами. И все это создавало в эшелоне низких орбит такую толчею, что на ум невольно приходила аналогия с муравейником. Тем более что большинство капитанов (которые по большей части являлись и владельцами судов) весьма творчески подходили к правилам низкоорбитальной навигации. Во всяком случае, по прикидкам монаха, уже двадцать лет как имевшего лицензию пилота-любителя, пока они выходили на посадочную глиссаду, не менее десятка судов умудрилось проскочить мимо них на дистанции, как минимум вдвое меньшей, чем требуемая правилами дистанция безопасного удаления. А капитаны трех из них в глазах любого мало-мальски грамотного диспетчера являлись бы прямыми кандидатами на лишение лицензии. Но, как видно, у местных диспетчеров были свои представления о допустимом. Во всяком случае, никаких предупреждений со стороны диспетчера, ведущего корабль по посадочной глиссаде, не последовало. Да и их капитан отнесся ко всему произошедшему довольно спокойно.

Когда брат Томил узнал, что аббат нанял для путешествия в султанат немусульманский экипаж, он испытывал большие сомнения в том, что это разумный поступок. Всем было известно, что в султанате Регул не очень-то жаловали чужаков. И редко какой капитан из христиан рисковал углубляться во владения светоча правоверных дальше, чем был расположен пояс внешних торговых портов. Перевозки грузов внутри султаната осуществлялись только купцами-мусульманами. А уж в столицу христианин мог попасть только в качестве лица, обладающего дипломатической неприкосновенностью, либо в качестве раба, хотя диван султаната гневно отвергал любые намеки на то, что в султанате существует рабство, во всем остальном мире это утверждение давно уже стало непреложным фактом. Однако этот экипаж, как видно, имел опыт полетов во внутренние районы султаната. Поэтому монах вновь вернулся к обдумыванию вопросов, которые занимали его все одиннадцать дней полета от Ноорма до Порты. А именно: что аббат намерен предложить тем, с кем он собирается вести переговоры, и какой ущерб это может нанести Новому Ватикану?

Насколько велики связи аббата, выяснилось, когда они сели на военной базе «Кул-ан-алар», где базировалась личная эскадра самого султана. И хотя им отвели для посадки самую дальнюю карту посадочного поля, а единственными встречающими оказались двое чахванжи, из которых один являлся представителем таможенной службы, а другой представился сопровождающим из состава комендантской роты, сам факт того, что их посадили на этой базе, говорил за себя. Похоже, аббат Ноэль решил окончательно сбросить маску скромного провинциального священнослужителя.

Сразу после проверки судовой роли и документов экипажа, которая заняла едва ли полчаса, к их карте подкатило некое средство наземного передвижения – длинный, лакированный, давяще обтекаемый корпус из черного материала с вытянутым носом и легким горбом сзади, опирающийся на четыре колеса, от которого в полуденной жаре исходил что-то смутно напоминающий запах. Брат Томил, выбравшийся из шлюзовой камеры сразу после разрешения выходить из корабля якобы подышать свежим воздухом, а на деле для

того, чтобы не дать возможности аббату отправиться в город в одиночку, удивленно уставился на это чудо. Станный экипаж с какой-то щемящей неуклюжей грациозностью, присущей детям, только освоившим пеший способ передвижения, развернулся и остановился в пяти шагах от трапа. Задняя дверь экипажа распахнулась, дохнув на монаха прохладой, насыщенной благородными запахами натуральной кожи, древесного лака и еще чего-то, что как бы не имело названия, но брат Томил осторожно определил это как запах старины, а затем из сумрачных недр на раскаленный бетон посадочного поля выкарабкался дородный монах, который сопровождал аббата Ноэля на начальном этапе их путешествия.

– Приветствую, брат мой, – прогудел он густым басом, заодно изобразив своей мощной дланью нечто вроде братского благословения. Но времени на ответный жест у брата Томила не осталось. За спиной раздался голос аббата:

– Вы уже здесь, фра Так? Означает ли это, что аятолла Бахар готов принять нас?

Лицо дородного монаха слегка исказилось, и брат Томил понял, что тот как бы испрашивает разрешения сообщить аббату некую конфиденциальную информацию, намекая на то, что присутствие посторонних лиц при ее оглашении не особо желательно. Аббат еле заметно кивнул и, повернувшись к брату Томилу, указал подбородком в сторону необычного экипажа и произнес нежно-нейтральным тоном:

– Любуетесь?

Монах напрягся, ожидая подвоха и лихорадочно подбирая слова, чтобы предотвратить грядущее неминуемое выключение из разговора. Но аббат не дал ему времени:

– Это автомобиль. Древнее земное средство передвижения. Если не ошибаюсь, марки «Роллс-Ройс». Модель «Сильвер сераф», вариант «Парк Уорд»... – Аббат восхищенно цокнул языком. – Как мне представляется, сегодня его стоимость вполне сравнима с годовым бюджетом какой-нибудь «устойчивой» колонии.

Брат Томил невольно ахнул. «Устойчивой» считалась колония численностью не менее четверти миллиона человек, имеющая как минимум три экспортно привлекательные отрасли. Аббат шагнул вперед и, любовно проведя рукой по изгибу задней стойки, произнес:

– Эта вещь хранит тепло рук тех, чьи кости давно уже рассыпались в прах. – Он повернулся к брату Томилу: – Кстати, вы раньше уже ездили на автомобилях?

Монах отрицательно мотнул головой.

– В таком случае вам следует обязательно совершить пробную поездку. Я читал, что некоторых при движении автомобиля сильно укачивало. Ведь здесь нет гироскопов и стабилизирующего поля. А нам ехать... – Аббат бросил вопросительный взгляд в сторону того, кого назвал фра Так, и тот быстро закончил:

– Не меньше часа.

– Ну вот, – кивнул аббат, – покатайтесь несколько минут. Если вам станет не по себе, я вызову для вас глiders. – И он уставился на монаха своим ласково-невинным взглядом, за которым, однако, брат Томил уже научился различать непреклонность. А потому, слегка подсадовав на собственную нерасторопность, он покорно влез в тесноватые, но утонченно-уютные недра автомобиля, и спустя мгновение массивная дверь, с легким шлепком влипнувшая в изящно вырисованный древним художником-дизайнером дверной проем, наглухо отгородила его от аббата и от всего внешнего мира. Монаха обволокло волной необычного запаха. Экипаж мягко качнулся и скользнул вперед. И брат Томил вдруг почувствовал, что его досада тут же куда-то улетучилась...

Спустя два часа они подкатили к высоким чугунным кованым воротам, навешенным на

столбы из красного кирпича, увитые плетями дикого винограда. Аббат, развлекавший спутников занимательными историями об автомобилях, имевших, как оказалось, в древние времена на Земле не меньшее распространение, чем нынче глидеры, при подъезде к воротам замолчал и быстро обменялся взглядами со своим духовником. Отчего брат Томил сделал вывод, что они не очень-то уверены, что их предприятие, каким бы подготовленным оно ни казалось на первый взгляд, стопроцентно обречено на успех. На несколько мгновений, пока массивные створки ворот, едва заметно вздрогнув, не начали медленно расходиться в стороны, в салоне повисла напряженная тишина, но наконец фра Так откинулся на спинку сиденья и облегченно выдохнул, выпустив воздух через свои крупные мясистые ноздри. На брата Томила повеяло таким ощущением опасности, что он почувствовал, как подрысник между лопатками мгновенно пропитался потом. Однако проем между створками уже стал таким большим, что автомобиль вновь тронулся вперед, мягко прижав пассажиров к роскошной кожаной спинке дивана.

Когда они подкатили к дому, брат Томил уже настолько оправился, что, не опасаясь выдать своего страха, повернулся к аббату и, придав голосу толику вежливого удивления, спросил:

– Не думал, что аятолла Бахар такой поклонник классического английского стиля.

Аббат растянул губы в привычной кроткой улыбке и отрицательно качнул головой:

– Аятолла Бахар примет нас несколько позже. Он чрезвычайно щепетильный человек, и ничто в мире, кроме разве что нового пришествия Мохаммеда, не может принудить его прервать послеобеденный отдых. А хозяин этого дома действительно большой поклонник классического английского стиля... – Он сделал паузу, по расширившимся глазам монаха уловив, что тот понял, о ком именно идет речь, а затем закончил: – Не волнуйтесь, брат Томил. Наша встреча с принцем Абделем одобрена султаном.

Но вместо того чтобы успокоить, эта фраза только подлила масла в огонь. Теперь стало понятно то напряжение, которое охватило его спутников при подъезде к воротам. Еще бы, если и существовал в султанате Регул более удачный способ навлечь на себя неудовольствие султана, чем встреча с его племянником, сыном покойного султана и единственным прямым наследником правящей династии по мужской линии, то брат Томил его не знал. И сильно сомневался, что какой-то иной ответ на этот вопрос вообще существует в природе. А это означало, что они только что с энтузиазмом засунули свои глупые головы в пасть льву. Но делать что-то было уже поздно. Двери дома распахнулись, и на пороге появились рослые, затянутые в черные с золотым шитьем мундиры иничари. А следом за ними – стройный молодой человек, одетый в легкие брюки и роскошный шелковый халат. Он на мгновение остановился, дожидаясь, пока слуга распахнет двери автомобиля, а затем широко улыбнулся и, разведя руки в стороны, шагнул вперед:

– Рад видеть, что вы благополучно добрались.

Подобное приветствие означало, что хозяин дома и сам был не очень-то уверен в благополучном прибытии гостей. Но, судя по немалому облегчению, отразившемуся на его лице, либо он был слишком хорошим актером, либо им теперь действительно ничто не угрожало. Хозяин дома по восточному обычаю прижал каждого из гостей к левому плечу, а потом сделал приглашающий жест:

– Прошу, мой повар сегодня превзошел самого себя.

Пока они шли через просторный холл, брат Томил украдкой огляделся. Внутри дома любовь к английскому стилю была выражена в гораздо меньшей степени. Во внутреннем

убранстве скорее присутствовало довольно сложное смешение восточного и западного стилей, с некоторым уклоном в восточную сторону. Впрочем, этого следовало ожидать. Аналитикам Канцелярии Священной конгрегации давно уже стало ясно, что весь этот подчеркнуто демонстративный западный уклон был всего лишь следствием обыкновенного фрондерства и желания показать опасному дядюшке, что столь одиозная личность, открыто бравирующая пренебрежением традиционными ценностями, не может являться ему достойным конкурентом. По-видимому, пока эта игра стоила свеч. Впрочем, всем, в том числе и гостеприимному хозяину, было понятно, что все эти причуды имеют смысл только до того момента, пока у султана не появится собственный наследник мужского пола. Либо (если слухи о радиактивном поражении генов, вроде бы произошедшем во время аварии на флагмане как раз во время путча, стоившего жизни его августейшему брату, имели под собой основание) того, кого велено будет считать таковым.

Они вошли в небольшой зал, в центре которого на роскошном ковре стоял низкий стол, уставленный блюдами, источающими такой аромат, от которого слюна вскипала во рту. Монах невольно сглотнул, но в следующее мгновение наострил уши.

– ...друг мой, поэтому я еще не готов отправиться в изгнание.

Тут его аккуратно подхватил под локоть иничари и, растянув свою зверскую физиономию в старательно демонстрируемом подобии радушной улыбки, указал на одну из подушек, расположенную у конца стола, противоположного тому, где расположились принц и аббат. Брат Томил попытался с невинным видом проскользнуть мимо указанной подушки, дабы устроиться где-нибудь поближе, справедливо полагая, что, если ему это удастся, вряд ли иничари рискнут помешать беседе повелителя, шумно водворяя гостя на отведенное ему место. Но эта попытка оказалась быстро и не менее нагло пресечена дюжим монахом, спутником аббата. Он с неожиданной для столь дородного тела прытью шмякнулся на подушку, расположенную как раз на пути брата Томила, и, непринужденно уцепившись за его ряссу, другой ладонью хлопнул по подушке рядом:

– Садитесь, брат мой, и, пока хозяин дома развлекает аббата вежливой беседой, отдадим должное искусству его повара.

Следующие полтора часа показались брату Томилу настоящей пыткой. Фра Так оказался редким чревоугодником. Того количества пищи, которое сумел вместить его объемистый живот, пожалуй, хватило бы всем остальным, находящимся в этой комнате, на пару-тройку дней дикого обжорства. При этом он умудрялся еще и рассказывать монаху о том, в каких трапезах успел поучаствовать в то время, когда, как он выразился, «нес слово божье язычникам из числа людей и Разумных». Из-за этого несмолкаемого рева брат Томил потерял последнюю надежду уловить хоть что-то из негромкой беседы, которую вели принц и аббат Ноэль. Они развалились на подушках и практически не дотрагивались до блюд. И только иногда открывали рот, когда две полуобнаженные прислужницы в чадрах подносили к их губам какие-нибудь особо лакомые кусочки. Причем аббат делал это с той же непринужденностью, что и принц. И это показывало, что подобные трапезы для него привычны.

В иных условиях брат Томил попытался бы побыстрее ограничить общение со столь громогласным собратом по целибату, но на этот раз альтернатива выглядела еще менее привлекательно. Слева от него устроился какой-то вельможа из свиты принца, с первой же минуты усиленно налегший на национальное блюдо, основными составляющими которого, судя по запаху, были лук, чеснок и... что-то типа экстракта ароматических желез земного

скусна. Сейчас он, правда, переключился на бешбармак, но это только усугубило дело. Поскольку запах, исходящий теперь уже от самого господина, никуда не исчез, а к нему прибавились еще яркие картинки местных застольных нравов в виде потеков бараньего жира, стекающего вдоль руки, а также аккомпанемент в виде причмокивания и отрыжки. Так что приходилось довольствоваться жизнерадостно жующим фра Таким.

Когда подали сладости, фра Так уже настолько набил брюхо, что сил на разговоры у него практически не осталось. Брат Томил слегка воспрял духом и вновь наострил ушки, но все оказалось напрасно. Принц на мгновение отвлекся от занимавшей его беседы и хлопнул в ладоши. Тут же распахнулись двери, и в зал вбежали юные создания, лица которых были тщательно укутаны легкими, но непроницаемыми для постороннего взгляда шарфами, шаровары девушек, наоборот, абсолютно ничего не скрывали. В руках у трех из них были какие-то устройства, похожие на примитивные музыкальные инструменты. Так оно и оказалось. Эти три опустились на колени, и зал наполнила ритмичная тягучая музыка. Остальные закружились перед гостями в странно-волнующем танце.

Брата Томила танец увлек. До сих пор ему не приходилось видеть ничего подобного вот так, на расстоянии вытянутой руки, когда он как бы сам становился участником танца. Да и девочки были хороши. И то, что лиц не было видно, действовало скорее возбуждающе. Эту магию гибкого и жаркого женского тела чувствовал даже объевшийся фра Так, он приподнялся на подушке и восхищенно причмокнул.

Брат Томил не уловил момента, когда все началось. Журна вдруг взвизгнула, взорвав мелодию, и в следующее мгновение зал превратился в ад. Один из иничари, стоящий за спиной брата Томила, внезапно захрипел и, вздернув руки к рукоятке метательного ножа, торчащего из шеи, рухнул прямо на монаха. Слева кто-то тонко и визгливо закричал. Гулко хлопнул выстрел, и тут же зашипели клапаны игольников. Брат Томил, который уже почти выбрался из-под трупа и успел обнажить узкий стилет, до того укрытый в полости вертикальной перекладины нагрудного креста, замер. Пневматические игольники – это серьезно. Это оружие профессионалов. В таком случае его единственный шанс остаться в живых – притвориться мертвым и молить Бога, чтобы у нападавших не было времени произвести по контрольному выстрелу во всех присутствующих. Ведь вряд ли причиной нападения была его скромная персона. Но в следующее мгновение перед его носом возникла изящная женская ножка, и он, повинувшись скорее инстинкту, бросающему мужчину в атаку даже при полном отсутствии шансов на победу, чем разуму, резко выбросил руку вперед. Ножка молниеносно отдернулась, и придавленный трупом монах осознал, что уже не успеет увернуться от контратаки... как вдруг все стихло.

Когда брат Томил наконец выбрался из-под трупа, двери зала уже были распахнуты и иничари толкались вокруг стола, грозно блестя обнаженными саблями и удивленно оглядываясь по сторонам. Бледный то ли от страха, то ли от ярости, то ли от того и другого, принц сидел у стены, а одна из тех прислужниц, что во время трапезы кормила его лакомыми кусочками, осторожно обрабатывала ему внушительную ссадину. Труп второй лежал на столе перед подушкой принца с полудюжиной метательных ножей в груди. Аббат, оказавшийся почему-то рядом с телами музыкантов, сосредоточенно разматывал шарф, закрывавший лицо одной из них. Монах огляделся. Зал был завален трупами. За несколько секунд схватки эти бестии успели уложить всю охрану и практически всех гостей. То, что он сам и фра Так остались в живых, следовало отнести на тот счет, что нападавшие не рассчитывали на их присутствие, ина первом плане у них были совершенно другие цели. Только странно, что

сам принц каким-то чудом остался жив.

– Друг мой...

Брат Томил обернулся. Принц с трудом поднялся на ноги и двинулся к аббату.

– Друг мой, если бы не вы... – Голос принца дрогнул, но аббат прервал его. Он вскинул руку и резким движением сдернул с головы музыкантши укрывавшую ее материю. Все замерли. Убитая явно имела некоторое отношение к гуманоидной расе, но... она не была человеком.

Кто-то тихо ахнул. Принц побледнел еще больше и с натугой прошептал:

– Значит, это правда.

– Что это?

Вопрос аббата прозвучал резко, как выстрел. Принц вздрогнул и, с трудом оторвав взгляд от лежащего тела, пояснил:

– Мне сообщили, что на Эль-Хадре появились странные существа, очень сильные, с лицами, похожими на морды ящериц, но я... – Он осекся. Аббат несколькими точными движениями ощупал лицо и шею трупа, а затем повернулся к принцу и своим обычным кротким голосом, в котором, однако, на этот раз брат Томил уловил нотку нетерпения, произнес:

– Мне нужно срочно попасть на Эль-Хадр.

Принц внимательно посмотрел на гостя, а затем повернулся к прислужнице:

– Зобейда.

Та молча скользнула к повелителю.

– Поедешь с ними, и... возьми вот это. – Он снял с шеи тонкую циркониевую цепочку, на которой болталась прямоугольная пластинка. Кто-то изумленно охнул. А принц пояснил: – Это тамга. С ней для вас будут открыты любые двери... Кроме тех, что закрыты по личному распоряжению султана.

Аббат с сомнением посмотрел на коленопреклоненную женщину. Принц понимающе кивнул:

– Не беспокойтесь. Зобейда верна мне. К тому же, если она попадет в руки моих... наших врагов, чтобы узнать что-то от нее, им придется сначала вырастить ей язык или хотя бы научить ее писать...

Спустя два часа их корабль вышел на разгонную глиссаду.

Все попытки раздобыть хоть какие-нибудь документы окончились полным провалом. Несколько знакомых Карима, которые раньше оказывали ему услуги такого плана – куда-то подевались. Другие, с кем свел его приятель, в каморке которого они провели первую ночь, заломили такую цену, что все оставшиеся деньги (в том числе и те, о которых бывший чахванжи старался не вспоминать) едва составляли половину требуемой суммы. В конце концов, окончательно отчаявшись, Карим решил прикупить «паленую» дешевку, поскольку все это время они со стариком ходили под дамокловым мечом внезапной проверки документов (здесь полиция блюла паспортный режим не в пример более ревностно, чем в трущобах), но и этого сделать не удалось.

Пытаясь получить документы, чтобы затеряться в огромном муравейнике припортового города, Карим сильно засветился. И когда он в очередной раз вошел в тот бар, где за эти сутки успел повстречаться с доброй дюжиной людей, чуть ли не половина присутствующих повернула голову в его сторону. Не успел он занять столик, как на него набросилась толпа ушлых типов, завалившая его предложениями «самых надежных документов за умеренную цену»... «А может, эфенди желает нелегально покинуть планету?..» – «А не ищет ли эфенди надежную комнату? Очень недорого...» Сначала духанщика даже оторопь взяла от того, что все его попытки решить проблему будто натолкнулись на бетонную стену, а сейчас... Но все быстро прояснилось. Все предложения оказались липой. «Надежные» документы ограничивались плохонькой ксерокопией вида на жительство категории «М», обладание которым могло скорее привести в каталажку, чем вообще отсутствие документа. Остальные были из того же разряда. Однако то, что информация о его проблемах опустилась на столь низкий уровень, означало, что им пора линять. И как можно быстрее. Сказать по правде, когда бывший чахванжи разобрался, в чем дело, у него душа ушла в пятки. Но, видно, ТЕ оказались несколько тупее, чем Карим предполагал, а может, у них действительно не было на поверхности того самого геноанализатора, что, впрочем, не отменяло и первого предположения. Во всяком случае, они получили изрядную фору, которая, однако, сейчас катастрофически таяла.

Вернувшись в ночлежку, где они провели прошлую ночь, Карим пнул дрыхнувшего христианина и, вытащив из-под его матраса куль с одеждой и парой брикетов одноразового пищевого рациона с просроченной датой годности, которого в любом порту всегда завались, двинулся в сторону черного хода.

Еще вчера вечером, когда они искали, где бы поселиться, духанщик обратил внимание, что ночлежка имеет черный ход (как потом выяснилось, даже не один). Поэтому он и решил остановиться именно здесь, несмотря на существенно более высокую цену. Конечно, это явно указывало на то, что обитатели ночлежки не в ладах с законом и потому вероятность полицейской облавы здесь гораздо выше, чем в других ночлежках. Но и возможность ускользнуть также резко возрастала. Тем более что наметанный глаз бывшего чахванжи заметил и тщательно смазанные петли на вроде бы заколоченном окне, выходящем на полотняную крышу притулившейся к глухой стене торговой палатки зеленщика, слишком тонкую кладку простенка на лестнице, выполненную к тому же совершенно дерьмовым раствором, и еще пару мест, за которыми вполне могли находиться скрытые выходы.

Именно эта предусмотрительность спасла их и на этот раз. Духанщик успел спуститься

только на один лестничный пролет, как вдруг внизу послышался знакомый хлопок и вслед за ним шипение клапана сброса давления. Бывший чахванжи замер на месте. Следовавший за ним еще не до конца проснувшийся христианин не успел затормозить и налетел на него, угодив своим длинным носом как раз под левую лопатку. Но благодаря разнице в массе подобное нападение с тыла никак не отразилось на самочувствии духанщика (кроме разве что неприятных ассоциаций, уж больно острым и длинным был нос у старикашки). Карим затравленно огляделся. Прямо у поворота обшарпанной чугуновой лестницы, по которой они спускались, находился тот самый простенок с дрянной кладкой, которую он мог развалить одним плечом. Но бывший чахванжи не рискнул ринуться наобум и, заведя руку за спину, просто ухватил христианина за шкуру, чтобы не терять времени на объяснения, и поволок за собой наверх к тому самому заколоченному окну.

Пока он несся по лестнице, больше волоча, чем ведя за собой своего соратника по бегам, где-то в глубине подсознания мелькнула удивленно-удовлетворенная мысль, что на этот раз христианин не стал ничего выяснять, а молча переставлял ноги, стараясь не особо обременять его руку. А когда они наконец добрались до окна, так же молча принялся его открывать.

Карим оказался прав. Фанера была хитро прибита к створкам, а крупные шляпки гвоздей, торчащие из рамы, были не больше чем бутафорией. Когда бывший чахванжи вытолкал христианина на карниз, тот побледнел, но вновь ничего не сказал, а, деревянно выпрямившись, шагнул вперед. Карим в свою очередь перекинул ногу через подоконник, но тут на лестничной клетке показался первый преследователь. Он слишком торопился, поэтому клетчатый платок, закрывавший его лицо почти до бровей, сбился на шею. И от того, что духанщик успел разглядеть, у него свело руки. Христианин не врал. Это были не люди. Больше всего лицо или, скорее, морда преследователя напоминала морду ящерицы. Или крокодила. Уж кому как нравится. К тому же он был явно тяжелее человека, потому что при каждом его шаге чугуновые ступеньки гулко гудели.

По-видимому, все это было так выразительно написано на физиономии Карима, что преследователь, вместо того чтобы броситься на опешившего духанщика, резко затормозил и принялся поправлять платок. И только этим можно объяснить то, что бывшему чахванжи удалось совершить дальше. Карим выхватил из-за пояса метательный нож и резким движением кисти послал его вперед. Реакция у ящероподобного оказалась отменной, он качнулся и почти успел убрать голову с траектории полета ножа, но только почти. Остро отточенное лезвие вошло ему прямо в левый глаз. Ящероподобный завизжал необычно тонким голосом и, задрав морду, повалился назад, опрокинув собрата, поднимавшегося следом за ним. Оба с грохотом покатались по ступеням. Но духанщик этого уже не видел. Швырнув нож, он торопливо перекинул через подоконник вторую ногу и ухнул вниз, моля Аллаха, чтобы полог палатки выдержал и не прорвался под его немалым весом.

Духанщик свалился на землю как куль с рисом, сильно ударившись левой ногой, уже поврежденной во время его прыжка в том заброшенном пакгаузе, который служил штабом «Бесеерманов». Этот удар отозвался болезненным уколom в позвоночнике и ребрах, породив опасение, что теперь ему уже не сделать ни одного шага. В голове мелькнуло: «Ну вот и все...» Но тут сверху в него вцепилась сухонькая рука и с неожиданной силой дернула его за шкуру. Бывший чахванжи захрипел и, с трудом извернувшись, чтобы дать глотке, пережатой воротником халата, втянуть хоть глоток воздуха, вскочил на ноги:

– Ах ты, чертов гяур!..

Но закончить ему не дали. Впереди с пластиковым треском распахнулась желтая дверца электрорикши, и все та же рука зло пихнула его в спину. В этот момент за углом, там, где находился вход в только что покинутую ими ночлежку, раздался яростный выкрик, тут же оборванный тихим шипением клапана сброса давления, и духанщик, посчитав, что для выражения своего недовольства стоит все-таки поискать более спокойное местечко, поспешно нырнул в узкий, дребезжащий салон. Писклявый голос старика взвыл:

– Гони!

Водитель надавил на гашетку, и хлипкий экипаж, дребезжа и завывая, двинулся вперед.

Преследователи выскочили из-за угла, когда экипаж успел набрать разрешенные правилами пятнадцать миль в час. Но вид шустро бегущего экипажа, удалившегося уже почти на треть мили, отнюдь не охладил их пыла.

Первый преследователь догнал их у перекрестка, когда электрорикша замедлил ход, вписываясь в узкий поворот. Он прыгнул на подножку и выбросил вперед обе руки, собираясь уцепиться за вжавшегося в заднюю стенку христианина. Но Карим перегнулся через скукожившуюся фигурку и со всего маху засветил нападающему в грудь своим увесистым кулаком. Пальцы нападавшего щелкнули в полудюйме от груди старика, а в следующее мгновение он налетел боком на столбик паркомата, и его снесло на мостовую. От удара экипаж повело, да так, что он едва не опрокинулся. Водитель испуганно оглянулся. Упавший уже поднимался на ноги, но его изрядно пошатывало. Однако из-за поворота вылетели еще несколько фигур в таких же накидках и, не снижая скорости, устремились за ними. Водитель ахнул, а затем, зверски перекосив лицо, сунул руку куда-то под панель. Оттуда раздался треск, и в то же мгновение экипаж прыгнул вперед, увеличив скорость в два раза. Этот скачок застал следующего преследователя уже в полете. Так что его скрюченные пальцы, увенчанные гипертрофированными ногтями, больше похожими на когти, только царапнули по задней стенке пассажирской кабины.

Между тем аппарат, натужно завывая двигателем, продолжал разгоняться. По самым скромным прикидкам его скорость уже перевалила за тридцать пять миль и все еще продолжала расти. И к следующему повороту они подъехали, имея практически ту же фору, что и при старте. По-видимому, преследователи поняли, что добыча ускользает, и, резко затормозив, выхватили игольники. Пока неустойчивый экипаж, повизгивая шинами, закладывал вираж, стараясь как можно быстрее вписаться в поворот, по задней стенке пассажирской кабины забарабанили иглы. На счастье беглецов, водитель электрорикши приспособил щель между пассажирским сиденьем и задней стенкой под микрокладовку для разного хлама типа запасных дисков, листов пластика для латания кузова и еще черт-те чего. Поэтому гулкие хлопки игл, разрывающих пластик на уровне поясицы, только напугали опасных пассажиров. Но для водителя это оказалось последней каплей. Повернув, он резко затормозил и, обратив к пассажирам испуганное, но от этого не менее злобное лицо, заорал:

– А ну выметайтесь!

Христианин вздрогнул, облизал пересохшие от страха губы и попытался что-то сказать, но Карим не дал ему произнести ни слова. Он тычком выкинул своего товарища по несчастьям на мостовую и, вывалившись сам, рванул к двери ближайшего духана, напоследок крикнув водителю:

– Гони!

Тот испуганно дернулся и, не сообразив, что для него самого гораздо безопаснее было бы остаться на месте и, дождавшись преследователей, указать им, в какую сторону побежали

те двое, снова надавил на гашетку. Электрорикша взвыл и, приподняв переднее колесо, прынул по улице. А спустя мгновение из-за поворота на хорошей скорости выскочили преследователи. Но Карим с христианином этого уже не видели. Проскочив через наполненный душными испарениями зал, они, не останавливаясь, залетели на кухню, пробежали между плитами и, повинувшись интуиции Карима, который сразу определил, где расположена задняя дверь, вылетели на соседнюю улицу. На их счастье, в двух десятках шагов, у желтого знака остановки, дремал очередной электрорикша. Бывший чахванжи на мгновение замер, придерживав рукой опять чуть не влетевшего ему в спину христианина, бросил взгляд вдоль улицы, а затем быстрым шагом, чтобы создать у окружающих впечатление человека, просто несколько торопящегося по своим делам, подошел к экипажу и, помогая себе руками (ушибленная нога разболелась просто ужас), забрался в салон:

– Свободен?

Водитель что-то буркнул себе под нос и кивнул. Духанщик махнул рукой приплясывающему от нетерпения старику и, приняв позу солидного человека, негромко бросил:

– В порт. И побыстрее, я тороплюсь.

Водитель всколыхнулся и, покосившись на шустро забравшегося в пассажирскую кабину христианина, надавил на гашетку. Аппарат взвыл и тронулся вперед, неторопливо набирая разрешенную скорость. А духанщик откинулся на спинку сиденья и стиснул кулаки, чтобы унять предательскую дрожь пальцев. Рядом замер старик, напряженно уставившись в зеркальце заднего вида. Они успели доехать до самого поворота, но преследователи так и не появились. Похоже, им снова удалось ускользнуть. Пока. Но что делать дальше, ни один из них не представлял.

К вечеру они добрались до противоположной стороны ограждения, отсекающего район действующих пакгаузов от трущоб. Карим едва тащился, с трудом подволакивая распухшую ногу, старик выглядел еще хуже. Он настолько выдохся, что с трудом переставлял ноги, едва поспевая за своим ковыляющим спутником. По всему выходило, что их бега подходят к своему логическому концу. У них не было ни единой монеты (куль с пожитками и пояс с деньгами где-то потерялись). Одежда, после столь бурной погони, изрядно обтрепалась, а кое-где просто висела клочьями. И обоим, скорее всего, требовалась серьезная медицинская помощь.

Духанщик наконец доковылял до маячившей впереди, как Медина перед Магометом, опоры кольцевого монорельса и, привалившись спиной к массивной бетонной конструкции, осторожно сполз на землю, аккуратно вытянув больную ногу. Спустя полминуты рядом рухнул старик, не утруждая себя заботой о собственных органах. Некоторое время они молчали, потом христианин со стоном повернул свою взлохмаченную голову к Кариму и с надрывом спросил:

– И что теперь?

Духанщик повел плечом:

– Теперь будем ждать, что раньше – сами сдохнем или они нас найдут.

Старик несколько мгновений разглядывал своего спутника, а затем отвернулся и, вцепившись дрожащими руками в выщербину в бетоне, начал вновь подниматься на ноги. Карим удивленно вскинул брови:

– Ты куда?

Христианин набычился:

– Надо идти.

– Куда?

– Куда угодно. Пусть я сдохну, но им не достанусь. Я больше не хочу заниматься тем, чем они меня заставляли.

Карим покачал головой:

– Ну, положим, в таком состоянии даже они вряд ли смогут заставить тебя сделать хоть что-нибудь.

Старик оторвал одну руку от опоры и, посмотрев на свои дрожащие пальцы, все в ссадинах и запекшейся крови, страдальчески сморщился:

– Это все чепуха. Сорок часов в регенерационной камере, и... – Не закончив мысль, он оторвался от опоры и, качнувшись, двинулся в сторону посадочного поля. Духанщик проводил его взглядом и, ощутив прохладу бетона, прикрыл глаза. Он не собирался никуда уходить. С него было достаточно.

Но тихо умереть ему так и не дали. Спустя пять минут с той стороны, куда ушел старик, послышались громкие крики и веселый хохот. Карим поднял голову: христианину не повезло, он так и не успел добраться до ограждения посадочного поля. А может, его сняли уже с забора. Во всяком случае, сейчас он беспомощно ковылял перед двумя молодчиками, одетыми в форму охранников, один из которых время от времени подпрыгивал на одной ноге и поддавал старикашке пинка, отчего тот через раз опрокидывался на землю. Но мордатый не давал ему особенно разлеживаться, а парой добрых тычков под ребра вновь поднимал старика на ноги. Все это сопровождалось веселым хохотом второго. Карим скривился. Эта картина отнюдь не добавила ему хорошего настроения, но он так устал. К тому же нога совершенно распухла, и любое шевеление отдавалось острой режущей болью в паху и поясице. Так что если бы эта гнусная процессия проследовала мимо, он проводил бы ее равнодушным взглядом и возблагодарил Аллаха. Но такой удачи Аллах ему не послал. Самый смешливый из охранников внезапно остановился и, кивнув в сторону бывшего чахванжи, удивленно произнес:

– Эй, а это кто?

Экзекутор, который в очередной раз пинком свалил христианина на землю и сейчас как раз обрабатывал ему ребра, оставил это увлекательное занятие и развернулся в сторону, в которую указывал напарник:

– Ух ты, еще один сын змеи и шакала. – Он вразвалочку подошел к Кариму и несколько мгновений рассматривал его брезгливым взглядом, а затем, растянув губы в радостной улыбке, неожиданно пнул духанщика по больной ноге: – А ну встать!

Карим взвыл и повалился на бок:

– Что ты делаешь, щенок?!

– Что? – Охранник обиженно выпятил губу. – Ты еще обзыватьсь?.. – И он, мстительно скривившись, наступил на больную ногу всем своим весом.

Но бывший чахванжи имел слишком большой опыт выживания, чтобы сдаться вот так, без борьбы. Невероятным усилием воли он выдернул будто закипевшую от боли ногу из-под ступни этого кретина, а затем протянул руку и, захватив злосчастную ступню, резко вывернул ее вниз. Не ожидавший подобного развития событий охранник взвыл и рухнул на Карима, причем так, что шейный отдел его позвоночного столба оказался в пределах досягаемости сильных рук бывшего чахванжи. Удар! И сквозь стиснутые зубы незадачливого охранника на землю выплеснулся шматок густой крови. А в следующее мгновение в руках Карима

непонятно каким образом оказался игловой шокер, дуло которого было направлено в грудь второго стража. Вернее, откуда взялся шокер, как раз было понятно – из кобуры трупа, но вот когда этот толстый тип с зеленым от боли лицом успел его достать – оставалось загадкой.

Охранник замер. И тут откуда-то со стороны оставленного ими района развлечений послышался знакомый хлопок и тихое шипение клапана сброса давления. Охранник начал медленно заваливаться назад. Старик, воспользовавшийся моментом для того, чтобы просто полежать на нагревшемся за день покрытии, резво пополз вперед, под защиту опоры, смешно загребая ногами и виляя оттопыренным задом. Бывший чахванжи, забыв о больной ноге, перевернулся на бок и, откатившись к краю опоры, осторожно бросил взгляд в сторону, откуда раздалось шипение. Преследователь несся как атакующий танк. Он был уже в дюжине шагов и не собирался снижать темп. Карим чисто инстинктивно, не успев даже подумать, чем ему это грозит, выбросил руку вперед и дважды нажал на спуск. А затем вывернул голову и рывкнул христианину:

– Беги!

Тот мелко закивал и, привстав на четвереньки, припустился по дорожке с такой скоростью, что стороннему наблюдателю (если бы таковой оказался поблизости) могло показаться, будто он является свидетелем вечерней (вернее, уже ночной) тренировки серьезного претендента на звание чемпиона по бегу на четвереньках по пересеченной местности. А духанщик вновь вытянул руку и, прищуря левый глаз, прицелился в следующую неясную фигуру, стремительно приближающуюся к его опоре. Эти ящероголовые твари, несмотря на присущую им просто потрясающую силу и скорость, все-таки показали себя редкостными тупицами. И днем, когда всем скопом устремились в погоню за разогнавшимся электрорикшей, и сейчас. Ну чего им стоило собраться у предыдущей опоры, отрядить несколько человек в огневое прикрытие с задачей не дать чахванши высунуть носа, а еще четверым обойти его по широкой дуге. Но они перли напролом. И это давало Кариму прекрасный шанс вновь за столько лет показать свое недюжинное стрелковое искусство. Хотя в конечном счете он все равно был обречен. Парализационный разряд шокера был рассчитан таким образом, чтобы обездвижить человека минут на десять, но эти твари явно были намного крепче людей. Во всяком случае, первый из повалившихся уже подергивал руками, показывая, что он вот-вот уже будет в состоянии подняться. А игл в картридже шокера оставалось все меньше и меньше.

[Купить полную версию книги](#)